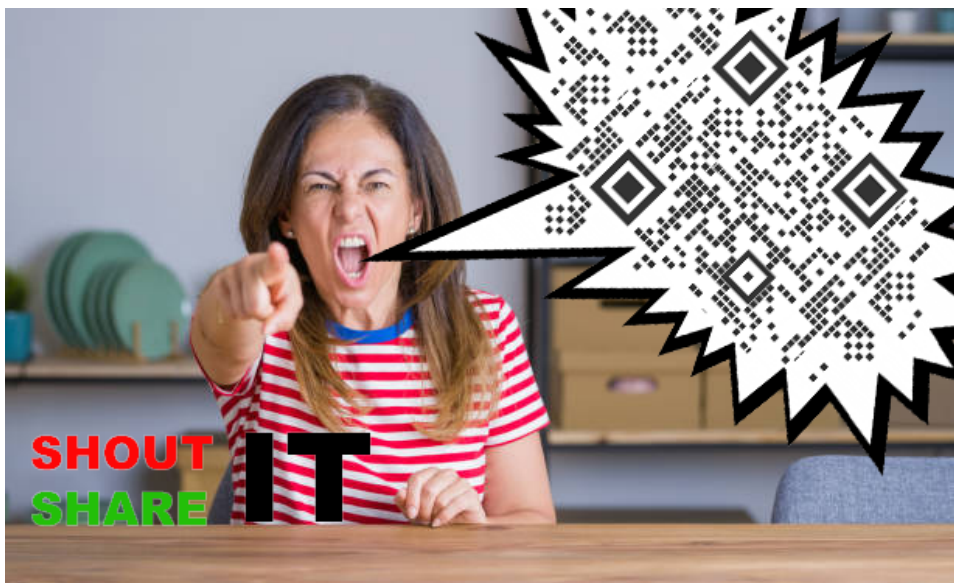

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [М. М. Филиппов](#)

- ☐
- ☐ [Предисловие](#)
- ☐ [Глава I](#)
- ☐ [Глава II](#)
- ☐ [Глава III](#)
- ☐ [Глава IV](#)
- ☐ [Глава V](#)
- ☐ [Глава VI](#)
- ☐ [Глава VII](#)
- ☐ [Глава VIII](#)

- [notes](#)

- ☐ [1](#)
- ☐ [2](#)
- ☐ [3](#)
- ☐ [4](#)
- ☐ [5](#)
- ☐ [6](#)
- ☐ [7](#)

М. М. Филиппов
Михаил Скобелев
Его жизнь, военная,
административная и общественная
деятельность
Биографический очерк
С портретом Скобелева,
гравированным в Петербурге К.
Адтом, и другими иллюстрациями

Предисловие

Имя Скобелева принадлежит такому недавнему прошлому, что написать сколько-нибудь полную биографию этого замечательного человека невозможно, не только по недостатку материала, но и по той причине, что многого еще *нельзя писать*.

Кроме вполне заслуживающих доверия печатных материалов, из которых укажу на труды Гродекова, Куропаткина и Маслова, мне поневоле пришлось пользоваться и такими воспоминаниями и записками, к которым необходимо отнестись с величайшей осторожностью. Это, однако, не относится к “Воспоминаниям” Дукмасова, поразительно наивным и в то же время необыкновенно правдивым, а также к вполне беспристрастным “Воспоминаниям” д-ра Гейфельдера. Из корреспондентов наибольшего доверия заслуживает Мак-Гахан. Значительно тенденциознее корреспонденции, помещавшиеся в газете “Голос” и многих других газетах, и не всегда точны “Воспоминания” знаменитого художника В. В. Верещагина, который пишет, впрочем, в одном и том же духе и о Скобелеве, и о себе самом и сообщает некоторые несомненно важные сведения. Гораздо меньше значения имеют рассказы Немировича-Данченко и В. Крестовского, в которых фантазия слишком часто дополняет действительность. Множество материалов рассеяно в “Военном сборнике” (статьи Колокольцева, Черняка, Демурова, Гершельмана) и в “Русской старине” (кроме записок Верещагина, здесь находятся статьи Арцишевского, Гейфельдера и Панютина, а также “Путешествие” Мозера). В “Историческом вестнике” за 1882 год помещены важные посмертные бумаги Скобелева. Книжечка госпожи Адан “Skobeleff” содержит любопытные данные о встречах автора со Скобелевым. Укажу еще на работы Гейнса, Туган-Мирзы Барановского, на дельные компиляции Чанцова и Кашкарова, на сборник “Военные рассказы”, изданный князем Мещерским, и, наконец, на массу статей в различных газетах и журналах за 1882 год (год смерти Скобелева).

Глава I

Родословная. – Детство. – Первые учителя. – Боевое крещение. – Практическое испытание. – Загадочная рекогносцировка. – Первые походы. – Интриги против Скобелева в Ташкенте и Петербурге. – Хивинский и Кокандский походы

Родословная Скобелева может быть рассказана в нескольких словах: она начинается со скромного однодворца Никиты, который в конце прошлого столетия дослужился до сержанта. Таким образом, Михаил Дмитриевич Скобелев, принадлежавший по воспитанию, по привычкам, по родственным связям к высшему аристократическому обществу, в то же время мог бы сказать о себе словами поэта: “Я – просто русский мещанин”. Впрочем, семейные предания Скобелевых гласят, что их дальние предки были дворяне; при московских царях и при Петре Великом они, как говорилось в то время, *сказывались в нетях*, то есть бежали от военной службы, а потому захудали и перестали считаться дворянами. Названный однодворец Никита вышел в люди, женившись на дворянке из хорошей фамилии – Татьяне Уваровой – и получив за ней недвижимое имение. Один из сыновей этого Никиты, Иван, дед Михаила Дмитриевича, был известный безрукий генерал, отличившийся в войну 1812 года. Иван Никитич был шефом Рязанского полка, комендантом петербургской крепости и сверх всего этого писателем: писал он рассказы и драматические сочинения, пользовавшиеся успехом, особенно среди военных. Знаменитый внук во многом походил на деда, отличаясь еще более выдающимися военными талантами и еще большим непостоянством относительно женщин. Любопытное совпадение: внук, подобно деду, развелся со своей женой. Дед успел жениться вторично, от второй жены имел кучу детей; один из его сыновей женился на Ольге Николаевне Полтавцевой и имел от нее трех дочерей и сына Михаила. Сестры и тетки (по матери) Михаила Дмитриевича вступили в брачные союзы с представителями различных аристократических фамилий; сам Скобелев был женат на княгине М. И. Гагариной, но развелся с нею и умер бездетным. Со смертью Скобелева род его в мужской линии прекратился^[1].

Михаил Дмитриевич Скобелев родился в Петербурге 17 сентября 1843 года. О своем детстве и первоначальном воспитании он сам нередко рассказывал друзьям и знакомым, обрисовывая первые впечатления детства далеко не в привлекательном виде. Известно, что в первой половине нашего

века воспитание молодых дворян сплошь и рядом находилось в руках невежественных гувернеров, большей частью из немцев. Если тогда уже вывелись гувернеры вроде описанного Фонвизиним Вральмана и беглые каторжники, обучавшие детей, о чем можно прочесть в записках Болотова и Державина, то, во всяком случае, многие из гувернеров в начале сороковых годов недалеко ушли от этих вральманов. Отец Скобелева был человек старых порядков. Вздумав воспитать сына как можно более сурово, он нанял гувернера-немца, которому предоставил неограниченную власть над мальчиком. Немец оказался не только строгим, но и свирепым. За малейшую ошибку при вызубривании немецких вокабул, за всякую детскую шалость гувернер жестоко сек мальчика прутом. В этом воспитании следует видеть чуть ли не первый зародыш позднейшей нелюбви Скобелева к немцам. Скобелев с детства обладал независимой, пылкой и живой натурой; в течение долгого времени он был вынужден скрепя сердце терпеть подобное обращение. В его характере развились скрытность и мстительность. Немец-гувернер влюбился в какую-то особу и стал делать к ней частые визиты. Отправляясь к возлюбленной, гувернер всегда надевал фрак, цилиндр и новые перчатки. Мальчик подметил это и отомстил немцу по-своему. Он подкрался к комнате, куда должен был войти гувернер, вымазал ручку двери ваксой и потом с наслаждением подглядывал, как щеголеватый немец перепачкал свои перчатки. Из всех уроков гувернера на мальчика повлияли главным образом его интрижки. Двенадцатилетний Скобелев, в свою очередь, вообразил себя влюбленным в девочку своего возраста. Он совершал прогулки верхом рядом со своей воображаемой невестой. Однажды, когда эта девочка гостила у Скобелевых, гувернер при ней выбралил питомца, Скобелев что-то ответил. Взбешенный гувернер ударил мальчика по лицу. Тут случилось нечто непредвиденное. Скобелев, до сих пор мстивший только исподтишка, не вынес обиды и, в присутствии своей возлюбленной, сначала плюнул немцу в лицо, затем ответил ему, в свою очередь, пощечиной. Ошалевший немец побежал жаловаться. Но этот смелый поступок мальчика решил дальнейшее направление его воспитания в более благоприятном смысле. Отец понял, что немец довел сына до отчаяния; он рассчитал гувернера и отдал мальчика на воспитание французу Дезидерию Жирардэ, имевшему пансион в Париже. Таким образом, с раннего детства, Скобелев успел возненавидеть немцев и затем попал под чисто французское влияние. Хотя в то время национальная вражда между французами и немцами не достигала и сотой доли той, какая появилась после франко-прусской войны, но эти влияния детства

достаточно подготовили позднейшие национальные симпатии и антипатии, отличавшие Скобелева в зрелом возрасте. В лице Жирардэ Скобелев, по общим отзывам, встретил воспитателя образованного, человеческого и честного, притом искренне привязавшегося к своему питомцу. Жирардэ последовал за Скобелевым в Россию, не разлучался с ним даже во время военных действий, был его лучшим наставником и другом, провожал Скобелева и во время его последней поездки за границу. Во всех важных случаях жизни Скобелев советовался с Жирардэ; он питал к нему самую искреннюю привязанность.

Преувеличивать влияние Жирардэ на Скобелева, конечно, не следует. Быть может, и справедливо, что Жирардэ более всего старался развить в своем питомце “религию долга”; но есть основания утверждать, что Скобелев был обязан прежде всего самому себе и что он много поработал над своим нравственным воспитанием. Нельзя, конечно, принять и другого крайнего мнения, высказанного известным художником В. В. Верещагиным, который в своих записках о Скобелеве уверяет, что даже на двадцать седьмом году жизни Михаил Дмитриевич был юношей чрезвычайно нетвердых правил и не обладал будто бы даже простейшими понятиями о военной честности, а потом в течение нескольких лет развил это все в себе собственными усилиями^[2]. Истина находится в этом случае посередине. Пройдя школу Жирардэ, Скобелев был, конечно, далек от нравственного совершенства и от отвлеченного преклонения перед долгом; он был просто неустановившимся юношей, во многом сходным с представителями так называемой “золотой” молодежи, но с тем отличием, что еще в те годы выказывал необыкновенные способности и ту своеобразность ума и чувства, которая отличает гения от сотни блестящих, но неглубоких талантов.

По желанию родителей, Скобелев после окончания учения у Жирардэ возвратился в Россию для дальнейшего образования. Он поступил (в 1861 году) на математический факультет Петербургского университета. По некоторым сведениям, Скобелев учился здесь не с большой охотой: его тянуло к военной службе, и он с завистью смотрел на сверстников, уже заслуживших эполеты. Вскоре в университете вспыхнули известные студенческие беспорядки, повлекшие за собою временное его закрытие; это было решительным поворотом в жизни Скобелева. Путь университетского образования был для него навсегда отрезан. Оставив университет, Скобелев поступил юнкером в кавалергардский полк и в 1863 году, как раз в начале польского восстания, был произведен в корнеты. Сгорая от нетерпения пойти на войну, Скобелев стал хлопотать о переводе в лейб-

гвардии Гродненский гусарский полк. В битве под Меховым Скобелев получил так называемое боевое крещение. В течение всей Польской кампании Скобелев вел себя так, что его военные способности уже тогда обратили на себя внимание и товарищей, и начальников.

Возвратившись в Петербург, Скобелев пожелал достичь высшего военного образования и поступил в Николаевскую академию генерального штаба. Подготовка его была найдена блестящей, способности – отличными; но во время пребывания Скобелева в Академии о нем составились разные мнения. Товарищи ценили его; начальство считало Скобелева способным, но ленивым.

На самом деле Скобелев, подобно большинству замечательных людей, не подходил под общую мерку. Он занимался с упоением тем, что его привлекало, и часто пренебрегал тем, чего требовала школьная рутина. Нередко Скобелев, собрав вокруг себя товарищей, читал им какую-нибудь записку своего сочинения, касавшуюся походов Наполеона или какого-либо события из русской военной истории. Это чтение всегда приводило товарищей в восторг, вызывало оживленные споры и рассуждения. Несмотря на то, что Скобелев читал массу книг, начальство было уверено, что он ровно ничего не делает; на экзаменах он отвечал плохо и вышел по второму разряду. Рассказывают, что только случай решил зачисление Скобелева в генеральный штаб. После экзаменов по теории были заданы по обыкновению практические испытания. Под впечатлением недавних польских событий были избраны темой съемки и рекогносцировки в Северо-западном крае. Скобелеву было задано отыскать наиболее удобный пункт для переправы кавалерийского отряда через Неман. Когда явилась проверочная комиссия, в которой участвовал один из известнейших наших теоретиков, профессор Академии, впоследствии генерал, Леер, то, к немалому изумлению членов комиссии, оказалось, что Скобелев провел все назначенное время на одном и том же пункте. Когда ему были предложены вопросы, Скобелев вместо ответа вскочил на коня, ободрил его плетью, прямо с места бросился в Неман и благополучно переплыл его в оба конца. Ученый теоретик Леер, приведенный в восторг таким практическим решением задачи, настоял на том, чтобы Скобелева зачислили в генеральный штаб.

Скобелев не пропускал ни одного удобного случая ознакомиться с практикой войны не по книгам, а на деле. За отсутствием русских войн он старался присмотреться к военным действиям западных держав. В 1864 году, во время Датской кампании, Скобелев испросил заграничный отпуск, и ему удалось

посетить театр войны.

Вслед за тем Скобелев был назначен на службу в Туркестан. Он принимал участие в не совсем удачной экспедиции генерала Абрамова на бухарской границе и успел ознакомиться с азиатскими способами ведения войны. В 1870 году Скобелев получил назначение на Кавказ, потом состоял при полковнике Столетове в Закаспийском крае. К этому времени относится загадочное происшествие, поведшее к столкновению Скобелева с начальством. Суть дела в том, что Скобелев произвел скрытую рекогносцировку к Саракамышу, не входившую в виды и расчеты кавказского штаба. За этот самовольный поступок он был отослан обратно в Петербург.

Полное разъяснение этого события невозможно в настоящее время за недоступностью официальных документов, к нему относящихся. Приходится довольствоваться рассказами, очевидно, неточными и, быть может, пристрастными. Замечательно, что близкий приятель Скобелева, В. В. Верещагин, говорит об этом эпизоде, очевидно, не со слов самого Скобелева, но под впечатлением рассказов его бывших начальников. Между тем из всего этого дела и даже из рассказа Верещагина очевидно, что начальство Скобелева относилось в то время к молодому капитану генерального штаба далеко не дружелюбно. На него смотрели как на петербургского выскочку, приехавшего поучать людей старых и опытных. Все это надо иметь в виду при оценке фактов и слухов, излагаемых Верещагиным. Сам художник, без сомнения, слышал в то время так много дурного о Скобелеве, что поддался общему мнению. Вот что повествует г-н Верещагин в своих "Воспоминаниях".

Верещагин познакомился со Скобелевым в 1870 году в единственном ресторане города Ташкента. До того времени художник ничего не знал ни об отце Скобелева, ни о нем самом, но много слышал о его известном деде – безруком генерале. Дальше пусть рассказывает сам г-н Верещагин.

“Некто Жирардэ, очень милый француз, учивший детей тогдашнего генерал-губернатора Кауфмана, подвел ко мне юного стройного гусарского штаб-ротмистра.

– Позвольте вам представить моего бывшего воспитанника Скобелева. – Я пожал руку офицерику, почтительно поклонившегося... Фигура юного Скобелева была так привлекательна, что нельзя было отнестись к нему без симпатии, несмотря на то, что история, висевшая на его шее, была самого некрасивого свойства. Дело в том, что, возвратившись из рекогносцировки на бухарской границе, он донес о множестве разбитых и побитых бухарских разбойников, которых в

действительности не существовало (?), как оказалось, и которые были им просто сочинены для реляции”.

Спрашивается, чей же авторитет противопоставляет г-н Верещагин реляции Скобелева и на чем основывалось начальство, не поверившее этой реляции? Оказывается, что доверие к донесению Скобелева поколебал уральский казак, имевший повод для личной мести Скобелеву. По скверной привычке, до сих пор еще кое-где существующей, – привычке, которую в более зрелых годах Скобелев осуждал самым беспощадным образом, – юный штаб-ротмистр, как его называет Верещагин, как-то в запальчивости ударил одного из бывших с ним уральских казаков. Ему стало тотчас стыдно, и он при первом удобном случае представил казака в урядники. Но уралец, “дворянин”, как они себя величают, не удовольствовался этим, а стал всячески пакостить Скобелеву и всюду громко говорил, что “офицер сочинил от начала до конца всю историю о разбойниках”.

Но до тех пор, пока не будут приведены более убедительные доказательства лживости донесения, составленного Скобелевым, мы не видим никакого основания верить мстительному казаку.

Так или иначе, но из этого дела вышел крупный скандал. Двое офицеров из ташкентской “золотой” молодежи, кирасир Г. (сын известного генерала Г., трагически погибшего в Варшаве) и П. (адъютант генерал-губернатора), поссорились со Скобелевым, который настаивал на своем, резко осуждая низших и высших офицеров, веривших на слово не ему, а казаку.

Оба офицера вызвали Скобелева на дуэль. Верещагин рассказывает эту историю, становясь на сторону противников Скобелева. Но все-таки он просил этих последних “пощадить малого”, как он снисходительно отзывался о Скобелеве. Просьба оказалась неуместной. Во время дуэли Скобелев обнаружил мужество и хладнокровие, и один из противников, адъютант, после дуэли пожал ему руку; другой был опасно ранен Скобелевым. Тогда генерал-губернатор счел необходимым вмешаться в дело. Экстренно созвав офицеров в большой зал своего дома, генерал Кауфман при всех жестоко распек Скобелева. Верещагин уверял, что после этого внушения на Скобелева все смотрели как на человека осрамленного и ошельмованного. Ему оставалось только уехать в Петербург, где Скобелев был привлечен к участию в занятиях военно-ученого комитета; затем он был назначен начальником штаба 22-й пехотной дивизии. Несмотря на все, способности Скобелева слишком заявляли о себе, и с началом военных действий в Хиве и Коканде мы видим его опять в Средней Азии.

Сведения о первых походах Скобелева в Азии находятся,

между прочим, в известной книге Мак-Гахана, и этот корреспондент отличается беспристрастием и точностью, заставляющими нас предпочитать его показания отрывочному и не всегда беспристрастному изложению Верещагина. Рассказ о хивинских подвигах Скобелева мы приведем главным образом со слов Мак-Гахана.

Еще казацкие атаманы пытались завоевать Хиву. Затем, со времен Петра Великого, был предпринят ряд экспедиций, большей частью крайне неудачных. Снаряженная генералом Кауфманом экспедиция была по счету шестая. Четыре отряда были двинуты различными путями; в одном из них, находившемся под начальством полковника Ломакина, находился и полковник Скобелев. Переход оказался необычайно трудным. Из четырех отрядов один, под начальством Маркозова, совсем не достиг места назначения. Отряд Ломакина дошел 2 мая до Кизил-Агира, а так как на следующий день надеялись подойти к самым границам Хивы, то созван был военный совет. Решено было выслать вперед, к озеру Айбугиру, авангард под начальством Скобелева, что и было немедленно приведено в исполнение. Но 4 мая были получены известия, изменявшие весь этот план. Ломакин получил инструкции идти не на юг, а на север, чтобы сойтись с оренбургским отрядом. Ломакин послал воротить Скобелева; но Скобелев получил приказ слишком поздно. Он исполнил поручение Ломакина раньше, чем рассчитывали, и 5 мая имел уже схватку с большим туркменским отрядом. Туркмены эти направлялись в Хиву с большим караваном. В завязавшемся бою несколько туркмен было убито и захвачены полтораста верблюдов со множеством припасов. Зато сам Скобелев, другой офицер и несколько казаков были ранены.

28 мая произошел штурм самой Хивы. Об этом штурме Верещагин рассказывает, очевидно, со слов лиц, приближенных к Кауфману, утверждая, что Скобелев снова сделал промах, не такой, правда, большой, как в 1870 году, то есть в истории с бухарскими разбойниками, “но и не малый”. По словам Верещагина:

“Скобелев повел солдат на штурм города Хивы с одной стороны в то самое время, как с другой городская депутация выходила с хлебом-солью для выражения командующему войсками полной и безусловной покорности. Генерал Кауфман рассказывал мне, что, зная уже о сдаче города и готовясь въехать в него, он был поражен и возмущен, услышав ружейные залпы и крики “ура”, – словом, настоящий штурм, затеянный Скобелевым и Ш.”.

Здесь Верещагин по крайней мере указывает на авторитетное

показание генерала Кауфмана, которому, очевидно, было приятно думать, что Хива сдалась бы ему помимо всякого штурма. Необходимо, однако, сличить эти показания с вполне беспристрастным рассказом Мак-Гахана. Из этого рассказа оказывается, что вовсе не Скобелев распорядился о штурме – он только охотно исполнил приказание – и что сам штурм был последствием двуличного поведения жителей, в числе которых находились туркмены, вовсе не помышлявшие о сдаче.

После соединения трех отрядов было решено напасть на Хиву.

Утром 28 мая подошли к городу. Командовавший генерал Веревкин был ранен и сдал начальство полковнику Саранчеву. Теперь открыта была правильная бомбардировка под руководством Скобелева.

В это время прибыл от хана посланный, прося прекратить пальбу и предлагая капитуляцию. Саранчев и Ломакин согласились приостановить действия; но едва посланный удалился, как хивинцы опять стали стрелять. Скобелев немедленно возобновил бомбардировку. Опять явился посол от хана с уверением, что хан тут ни при чем, что стрельбу продолжают вопреки его приказу непокорные туркмены. Заявление это было принято за нахальное бесстыдство, и бомбардировка продолжалась.

Впоследствии оказалось, что хан говорил правду: он действительно не имел никакой власти над туркменами. Но откуда Скобелев, да и его прямые начальники, могли знать о положении хана? Надо знать, что в это время генерал Кауфман стоял еще в пятнадцати верстах от города. Хан прислал генералу письмо, прося прекратить бомбардировку. Кауфман послал курьера с приказанием о прекращении, а хану написал, чтобы тот выехал на следующее утро за городские ворота для сдачи.

В то время, когда Кауфман выслушивал донесение оренбургского отряда, со стороны города вдруг послышались выстрелы. Туркмены, недовольные сдачею, решили продолжать сопротивление. Полковник Саранчев чуть ли не был так же расположен сражаться, как и сами туркмены; сверх того, его окружали молодые, пылкие офицеры, подобные Скобелеву и графу Шувалову. Как раз в ту минуту, когда Кауфман уже самым мирным образом входил в город с противоположной стороны, туркмены стали стрелять по отряду Саранчева. Разгоряченный огнем неприятеля Саранчев отдал приказание штурмовать город. Скобелев и Шувалов с радостью ухватились за этот предлог. Направили несколько гранат в Хозаватские ворота, и Скобелев с Шуваловым во главе тысячи солдат бросились на приступ под

градом выстрелов из ручных орудий, сыпавшихся на них с городских стен. Как только русские овладели воротами, туркмены сошли со стен и разбежались, продолжая стрелять. Наши войска расчищали себе дорогу ракетами и шли, сражаясь на ходу, пока не достигли ханского дворца. Не успели они здесь простоять и пяти минут, как пришло известие, что отряд генерала Кауфмана входит другими воротами. Скобелев немедленно дал приказ отступать, откуда вошли.

Таковы факты. Очевидно, что только нападения на мирных обывателей, пославших депутацию к генералу Кауфману, в этом нельзя видеть, и весь этот эпизод рисуется совсем в ином свете.

После взятия Хивы потребовалось узнать причины, воспрепятствовавшие кавказскому отряду достигнуть соединения с тремя остальными отрядами, и пространство в 70 верст все еще оставалось неисследованным; для восполнения пробела предполагалось снарядить целый отряд из пехоты, кавалерии и артиллерии.

Скобелев вызвался сделать эту поездку один, с немногими провожатыми. Рассказ Мак-Гахана об этой смелой рекогносцировке в существенных чертах совпадает с показаниями Верещагина.

Рекогносцировка была бы слишком тяжела для большого отряда, а для маленького представляла опасности, потому что всюду скитались озлобленные туркмены. Проехать опасный путь, набросать карту местности, исследовать колодцы и решить, какое количество воды могли они доставить, должен был кто-нибудь один, полагаясь только на свою ловкость и на быстроту своей лошади. Это дело было предпринято и блистательно исполнено Скобелевым. Переодевшись в туркменский костюм, он взял с собою трех туркмен, которые служили у него несколько лет, и углубился в пустыню. Скобелев пропадал без вести в течение десяти дней, и уже потеряли надежду на его возвращение, когда он внезапно явился, сильно утомленный, но с известием, что предприятие его исполнено. Он пришел к заключению, что всякая попытка со стороны Маркозова идти дальше повела бы к гибели его отряда от недостатка воды.

Посмотрим, как отнеслись к подвигу Скобелева, одинаково приведшему в восхищение и Мак-Гахана, и Верещагина, те ташкентские аристократы, для которых Скобелев был давно бельмом на глазу. Адъютант П. и другие, по словам Верещагина, открыто насмехались над Скобелевым, замечая, что он все-таки не доехал пятнадцати верст до тех колодцев, от которых повернул назад Маркозов. Не ограничиваясь этим, уверяли, что все это дело было затеяно Скобелевым не ради пользы армии, но с

единственной целью получить Георгиевский крест. На этот раз Верещагин берет Скобелева под свою защиту. “Неверно, – пишет он, – чтобы Скобелев хлопотал только о Георгиевском кресте, статут которого, по его собственным словам, он знал наизусть еще с юных лет”. Крест был все-таки получен Скобелевым; но генерал Кауфман вместе с поздравлением многозначительно прибавил:

– Вы исправили в моих глазах ваши прежние ошибки, но уважения моего еще не заслужили.

Скрыть заслуги Скобелева в этом походе было невозможно. О его подвигах заговорили не только в России, но и в Англии, зорко следящей за нашими успехами в Средней Азии. За хивинский поход Скобелев получил множество отличий – между прочим чин генерал-майора и назначение в свиту.

В конце похода Скобелев близко сошелся с Мак-Гыханом по следующему поводу. 24 августа наши войска оставили Хиву и направились к Оксусу. Скобелев, только что возвратившийся из своей опасной рекогносцировки, не хотел уезжать, пока не напишет полного донесения Кауфману. Он предложил Мак-Гыхану остаться с ним в местном дворце хана. Несмотря на рискованное положение среди враждебного населения, Мак-Гыхан согласился, чем сразу завоевал расположение Скобелева. Дальше пусть рассказывает сам Мак-Гыхан:

“Войска выступили около двух часов и к трем часам скрылись из виду, а ничтожный остаток победоносной армии полковник Скобелев, его два служителя и я остались одни среди неприятеля. На другой день, рано утром, мы пустились в путь, чтобы присоединиться к войску. Часа три или четыре мы ехали среди цветущих полей и садов оазиса, встречая по пути узбеков, которые кланялись нам почтительно, но, видимо, радуясь, что последние русские уезжают. Никто не выказал, однако, ни малейшего поползновения оскорбить нас, и наш отряд в четыре человека ехал так же спокойно, как если бы нас была тысяча”.

С этих пор между Скобелевым и Мак-Гыханом завязалась искренняя дружба, которая заставила впоследствии (в 1878 году) Скобелева с чисто детским отчаянием оплакивать Мак-Гыхана, умершего от тифа в Константинополе, куда он добрался, совершив поход с нашей дунайской армией.

Когда Скобелев, увешанный орденами, возвратился в Петербург и как назначенный в свиту стал появляться в высшем обществе, многие взглянули на тридцатилетнего генерала несочувственно и свысока. Великосветские остряки прозвали Скобелева “победителем халатников” и громко заявляли, что ему следует позаботиться заслужить все ордена, украшающие его

грудь. Хотя Скобелев был уже в полном смысле слова опытным боевым генералом, ему пришлось удовольствоваться весьма скромными назначениями. Сначала он был назначен начальником штаба одной кавалерийской дивизии, да и то потому, что дивизией командовал его отец. Затем дивизию эту расформировали, и “Скобелева-второго” причислили к главной квартире.

В 1874 году Скобелев отправился в южную Францию, первоначально с целью отдыха и развлечений. Но здесь, заинтересовавшись партизанской Карлистской войной, он вздумал пробраться к дону Карлосу. Оборонительные действия партизан казались ему более достойными изучения, чем действия регулярной испанской армии. Он был свидетелем сражений при Эстелье и Пепо ди Мурра.

Возвратившись в Среднюю Азию, Скобелев вскоре получил важный пост военного губернатора Ферганской области и начальника всех войск, действовавших в бывшем Кокандском ханстве. Предоставим слово г-ну Верещагину, который сознается, что с этих пор Скобелев заслужил уважение и генерала Кауфмана, “что, по нашему мнению, вовсе не служит мерилom заслуг Скобелева”.

Будучи в Коканде во время вспыхнувшего там мятежа против хана, Скобелев (тогда еще губернатор), начальствуя конвоем русской миссии, отступил к русской границе, охраняя и русских чиновников, и самого хана со свитой, не потеряв при этом ни одного человека. Любопытно, как отнеслись к действиям Скобелева завистники. Раньше они же упрекали Скобелева в безумной храбрости, теперь они называли Скобелева трусом за то, что он со своим маленьким отрядом не задевал шедших за ним по пятам десятков тысяч узбеков. Ответом на обвинения были действия Скобелева во время открывшейся затем Кокандской кампании. Скобелев был в этом походе начальником кавалерии и действовал так стремительно, что привел в восхищение даже Кауфмана. После битвы под Махрамом Кауфман, любивший щеголять отборными русскими словами, телеграфировал в Петербург: “Дело сделано чисто!”

В этом же Кокандском походе Скобелев вздумал воспользоваться своим знанием библейской истории – он умел все применять к военным целям. Вспомнив рассказ о Гедеоне, Скобелев проделал такой же маневр со скопищем кокандской конницы. Взяв с собою сотню оренбургских казаков под начальством Машина, Скобелев подкрался ночью к неприятельскому стану и без факелов, с криками “ура!” налетел на кокандцев. Неприятели в панике стали давить и убивать друг

друга и разбежались во все стороны.

Верещагин, рассказывая об этом событии, и тут считает долгом говорить “об относительной честности” Скобелева. Дело в том, что хотя Скобелев придумал ночную атаку, но откровенно сознавался, что лично мало участвовал в ней. В темноте он потерял Машина и его казаков из виду и прискакал, когда все уже дрогнуло и побежало. По реляции Скобелева, на поле битвы было собрано 2 тысячи чалм; Верещагин делит это число на два, но все-таки прибавляет, что “дело сделано было недурно”.

Один перечень сражений, в которых участвовал Скобелев во время Кокандского похода, занял бы слишком много места. Достаточно напомнить, что в 1876 году был занят Коканд, затем Скобелев организовал известную Алайскую экспедицию, при этом перешел горные перевалы, высотой превосходящие Монблан (Сары Могул, 18000 футов). Герцеговинское восстание и сербская война совершенно изменили планы Скобелева: внимание его было отвлечено от Средней Азии к Балканам.

Глава II

Начало турецкой войны. – Переход через Дунай. – Отвага Скобелева. – Удачи и неудачи

Мы коснемся истории войны 1877 года лишь настолько, насколько это необходимо для оценки военной деятельности Скобелева. Но с этой же целью нельзя обойтись без беглого очерка общего плана действий русских войск. Русское общество и даже весь русский народ привыкли считать Скобелева самым выдающимся героем турецкой кампании; эта справедливо заслуженная слава была плодом исключительно личных способностей Скобелева, но никак не его служебного положения в армии. В начале турецкой войны Скобелев занимал такие ничтожные должности, что, судя по этому, почти невозможно было предположить, какую роль должен был играть молодой генерал в последовавших затем событиях.

Причины турецкой войны общеизвестны, хотя еще не вполне раскрыты все пружины, руководившие герцеговинским восстанием, из-за которого началась сербская война. Восстание это было вызвано главным образом экономическим гнетом, действиями мусульманских помещиков и чиновников; немало способствовали восстанию агенты различных соперничающих держав, в числе которых находилась одна личность, в то время игравшая роль отчаянного панслависта, а впоследствии поселившаяся в Германии и издававшая в Берлине газету, имевшую связи с германской имперской канцелярией^[3]. Эти международные люди, возбудившие восстание, были наилучшими подготовителями австрийской оккупации, которая, судя по заявлениям босняков и герцеговинцев, хуже всякого турецкого ига. Известно, что восстание Боснии и Герцеговины, бывшее исходным пунктом всех балканских столкновений и самой русско-турецкой войны, вскоре отошло совсем на задний план. Русская дипломатия устроила даже отдельное соглашение с Австрией, о котором Австрия не замедлила уведомить князя Бисмарка. В силу этого соглашения Австрии была предоставлена оккупация восставших турецких провинций на тот случай, если Россия займет Константинополь. Константинополя мы, как известно, не заняли, уступая угрозам Англии, подстрекаемой тою же Австрией, но австрийцы избрали благую часть и, однажды войдя в Боснию и Герцеговину, решили остаться там на неопределенное время. С точки зрения босняков и герцеговинцев, вся наша турецкая кампания и привела лишь к ухудшению их положения.

Но босняки и герцеговинцы были только предлогом. Турецкая война была затеяна под влиянием двух совершенно противоположных мотивов, определивших всю внешнюю политику, отстаиваемую нашими националистами. Один из этих мотивов – идейный – состоял в стремлении освободить христианское население Турции из-под мусульманского ига; другой, гораздо более практический, сводился к стремлению овладеть турецкими проливами, а быть может и самим Константинополем, с чисто стратегической и коммерческой целями, а именно – доставить нашему военному и торговому флоту выход из Черного моря в Средиземное. Несомненно, что в последнюю русско-турецкую войну первый – идейный – мотив одержал верх, хотя постоянно слышались голоса, требовавшие, чтобы Россия вознаградила себя за понесенные жертвы более ощутимым образом – путем захвата Константинополя и проливов.

Каковы бы ни были мотивы, нельзя не признать, что последняя турецкая война была начата нами без строго обдуманного не только политического, но и чисто военного плана. В этом вопросе сходятся и наши, и иностранные писатели, и теоретики, вроде генерала Богдановича, и боевые генералы, подобные Зотову.

Вот что писал, например, генерал П. Д. Зотов, находившийся в момент объявления войны в Могилеве:

“Война объявлена, и конечно, она должна быть с нашей стороны наступательной, для которой первое условие успеха – значительный перевес в силах. Достаточно ли их у нас? В Европейской Турции, по газетным сведениям, под ружьем 250 тысяч армии. Мы мобилизовали 8 корпусов... к половине июня на Дунае можно сосредоточить 6 корпусов, которые в сумме составят менее 200 тысяч. В 1828 и 1853 годах мы были уже наказаны за нарушение основных правил стратегии – не пренебрегать неприятелем; но уроки не пошли впрок. Мы увлеклись впечатлением действий Черняева, рассказами о том, что турки бегут при виде больших русских сапог”.

Генерал Черняев

Два дня спустя тот же генерал жалуется на крайние беспорядки. В каждом полку оказывался некомплект, в некоторых полках более 100 человек. Расчеты оказались чисто бумажными. Местами мобилизация была затруднена бездействием губернских властей, причем иные администраторы заботились лишь о “величии своего звания”. С приближением к Дунаю беспорядки все увеличивались, а между тем еще до перехода через границу многие получили отличия. 16 мая Зотов пишет: “На пути слышал много рассказов о знаменитом товариществе Грегера, Горвица и Когана; это тоже что-то вроде канцелярии. Войска жалуются на недостаточность, несвоевременную доставку и недоброкачественность продуктов; но товарищество сильно поддерживается... При армии сверх того огромный персонал интендантских чиновников”.

О наших железнодорожных неурядицах и говорить нечего. По показанию Салова был, например, такой случай: Чугуевский уланский полк должен был сесть в Дубно; приходит телеграмма:

“Сесть в Здолбунове, за 45 верст”. Полк по тревоге скачет в Здолбунов, здесь стоят вагоны для посадки; вдруг поезд уходит по чьему-то приказанию в Дубно, и полк вынужден ехать назад, чтобы сесть там! Главным средством успеха мобилизации считалось соблюдение строжайшей канцелярской тайны. Секретничанье дошло до того, что 30 июня в главный штаб приехал Контакузен с вопросом: “Где 16-я дивизия?” Оказалось, что сам штаб не знал этого.

Этих немногих отрывочных замечаний достаточно, чтобы обрисовать условия, найденные Скобелевым, который, бросив все свои среднеазиатские дела, променял почетный и независимый пост губернатора целого Ферганского края на совершенно неопределенное положение в дунайской армии.

12 апреля 1877 года была объявлена война, и в тот же день наши войска перешли границу. 10 июня произошла переправа через Дунай. 15 числа авангард перешел через Дунай против Зимницы и после упорного боя овладел высотами противоположного берега и городом Снеговом. При этой переправе Скобелев ограничился более чем скромной ролью охотника, или, если угодно, добровольца. Для него, уже отличившегося в целом ряде серьезных битв в Средней Азии, не нашлось подходящей должности в армии. Оставалось одно: самому себя назначить, и Скобелев сам себя произвел в ординарцы М. И. Драгомирова.

Свиты Его Величества генерал-майор Михаил Иванович Драгомиров

В ночь переправы, после второго рейса наших лодок, Скобелев отправился на тот берег вместе с Драгомировым, штабом дивизии и адъютантами.

Едва отчалили, как турки стали осыпать лодку пулями. Переехали благополучно. Бой кипел всюду. Генерал Драгомиров осмотрел все происходившее, насколько это было возможно в страшном дыму и в утреннем тумане. Все показалось ему страшно бестолковым.

– Ничего не разберешь, лезут, лезут, ничего не разберешь, – повторял он.

Скобелев был рядом с ним: оба были пешком. В раздумье и молча глядел М. И. Драгомиров; вдруг раздался голос Скобелева:

– Ну, Михаил Иванович, поздравляю!

– С чем?

– С победою, твои молодцы одолели.

– Где, где ты это видишь?

– Где? На роже у солдата. Гляди на эту рожу! Такая у него

рожа только тогда, когда он одолел; как прет, любо смотреть.

Драгомиров взглянул и постиг тайну, еще не разъясненную ни в одном учебнике тактики: читать победу на лице солдата. Около девяти часов утра турки отступили. Еще на правом фланге поддерживалась перестрелка.

– Не пора ли остановить солдатиков? – спросил Скобелев Драгомирова.

– Пора-то пора, да некого послать, все ординарцы в расходе.

– Хочешь, пойду?

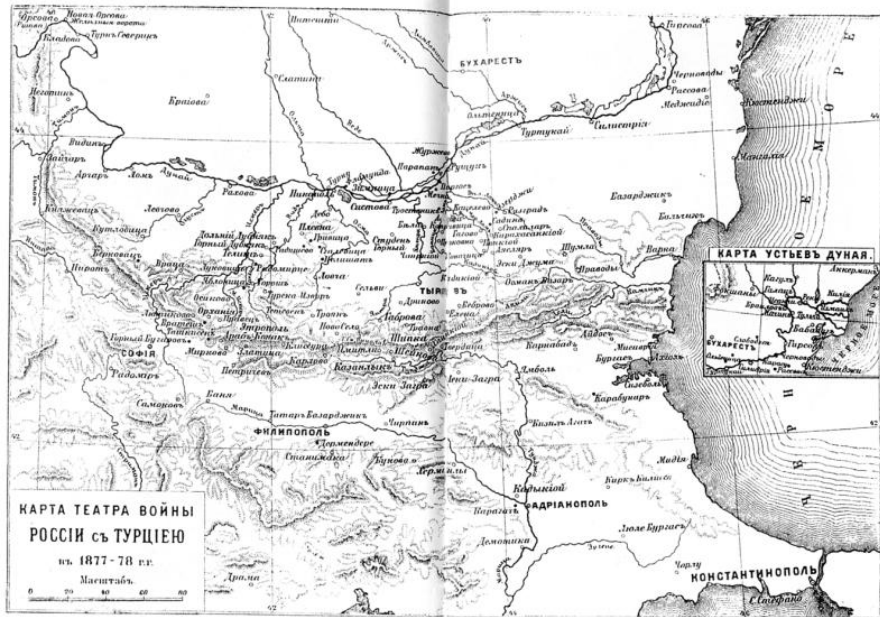
Скобелев отправился. Это был первый его подвиг за Дунаем, о котором все говорили с удивлением^[4].

В белом кителе пошел он тихою походкою, “как будто прогуливался на бульваре”, как говорит Верещагин, “как совершенно опытный боевой офицер”, по словам Драгомирова... Скобелев отправился в самый жар сражения: слева наши стрелки в виноградниках, а справа стреляют с высот турки. Он идет, подходит к стрелкам, остановится с одним поговорить, другого ободрит, и таким образом, везде один, открыто и медленным шагом, он обошел все войска, передавая приказание Драгомирова.

И тем не менее, по словам Верещагина, нашлись начальники, которые сделали Скобелеву выговор, сказав, что он “суется не в свое дело”.

Относительно дальнейших действий Скобелева мы будем следовать главным образом рассказу Куропаткина. Этот близкий товарищ Скобелева в предисловии к своей замечательной книге оговаривается, что именно вследствие близости к покойному едва ли мог писать вполне беспристрастно. Но сличение показаний Куропаткина со множеством других сведений убеждает, что именно его рассказ наиболее беспристрастен.

В начале турецкой войны наши войска одерживали блестящие победы. Это был самообман, основанный на полном незнании сил и планов неприятеля. Мы привели выше мнение Зотова, который полагал, что у турок около 250 тысяч войска, и все-таки считал двинутую нами армию недостаточной. На самом деле у турок было 494 тысячи отлично вооруженного войска. Достаточно сказать, что у каждого турецкого пехотинца приходилось от 500 до 1000 патронов на ружье, тогда как у наших было в среднем по 60 патронов. План турок состоял в том, чтобы завлечь нашу армию в глубь страны и здесь по возможности окружить ее со всех сторон; следует сознаться, что турки были на шаг от выполнения этого плана.

Карта театра войны России с Турцией в 1877-78 гг.

Наши так называемые победы в начале кампании были прямым следствием плана, придуманного турками, которые почти беспрепятственно позволили нам занять значительную часть болгарской территории. Через три недели после взятия Систова наши войска захватили область шириною до 90 верст и глубиною до 150. Вновь сформированный отряд генерала Гурко опередил всех: 25 июня он занял Тырново. Об этом событии генерал Зотов, впоследствии имевший под своей командой Скобелева, пишет в своем дневнике: “4 июля был взят Никополь, в то же время Гурко занял Казанлык и Шипку, 7 июля взял Шипкинский перевал, но проглядели важное событие, а именно: движение энергичного Османа-паши, полководца, которого если не по образованию, то по природным военным талантам можно поставить наряду со Скобелевым”. В начале войны Осман-паша находился в Видине. Граф Н. П. Игнатьев, близко знакомый с турецкими генералами, несколько раз предупреждал Криденера о силе видинского гарнизона и энергии Османа-паши. На это предупреждение не обратили должного внимания. Пока мы занимали Тырново и Шипку, турки успели выйти из Никополя и Видина и сосредоточились в Плевне, с того времени ставшей их опорным пунктом. Как легко взглянули наши полководцы на происшедшую перемену, показывает распоряжение, полученное генералом Шильдер-Шульднером, занять Плевну. Отряд Шильдер-Шульднера атаковал Плевну 8 июня, не имея ни

малейшего понятия о силе неприятеля. По словам Куропаткина, у нас поход считался почти оконченным: многие офицеры, назначенные в армию в начале июля, боялись, что опоздают на войну и не будут иметь случая отличиться! Шильдер-Шульднер был отбит с большим уроном. Впечатление этого первого понесенного нами поражения было необычайное. Турки необычайно ободрились, у нас явилось смущение. Слухи преувеличили число турецких войск, сосредоточенных в Плевне. До сих пор еще многие военные историки уверяют, что при осаде Плевны мы имели дело с неприятелем, далеко превосходившим нас силами. Мнение это лишено основания, и, основываясь на данных, собранных полковником генерального штаба Артамоновым, Куропаткин утверждает, что силы Османа-паши в начале борьбы под Плевной не превышали тридцати тысяч. Против этих сил мы двинули более значительную армию под командою Криденера. Правда, у Османа-паши была отборная армия, которою распоряжался он сам; снабжение армии было отличное, и турецкие орудия били несколько дальше наших.

18 июля было произведено второе, еще более несчастное нападение на Плевну. В этом деле участвовал Скобелев. Но что мог сделать “генерал Скобелев-второй” в своей подчиненной роли, когда всем руководили лица, очевидно неспособные к борьбе с таким противником, как Осман-паша?

После перехода через Дунай Скобелев в течение долгого времени оставался не у дел; затем ему поручили произвести рекогносцировку к Рушуку, но не дали ему никакого отряда. Скобелев отказался от роли “соглядатая земли обетованной” (по выражению Верещагина). Во время второй атаки на Плевну решились наконец поручить Скобелеву, кроме казаков, еще батальон пехоты. С одним этим батальоном Скобелев спас войска, бывшие под командою князя Шаховского и помогавшие Криднеру, от окончательного поражения, о чем официально донес сам Шаховской. С горстью солдат Скобелев бросился на отовсюду наступавших турок, которым не пришло в голову, что они имеют дело с несколькими сотнями солдат; ему удалось таким образом отвлечь внимание неприятеля и обеспечить Шаховскому отступление.

В этом деле Скобелев обнаружил рыцарские черты своего характера. Между прочим, он призвал Сергея Верещагина (брата знаменитого художника) и сказал ему:

– Поручаю вам удаление с поля раненых. Я не сойду с места, пока не получу от вас известия, что последний раненый унесен с поля.

Поздно вечером Сергей Верещагин и сотник Ш. пришли с

разных сторон и доложили Скобелеву, что все раненые подобраны.

– Я вам верю, – сказал Скобелев и только тогда начал отступление.

Во время всей этой смелой атаки С. Верещагин был подле Скобелева. Под Скобелевым была убита лошадь. Верещагин соскочил с седла и предложил свою. “Вижу, – сказал Скобелев, – простая гнедая... (он употребил непечатное слово). Нет, не хочу. Неужели нет коня?” Но пули и гранаты сыпались в таком количестве, что Скобелеву пришлось сесть на простую гнедую кобылу и наконец уехать с поля сражения.

“Вторая Плевна” стояла нам, по подсчетам Куропаткина, 168 офицеров и 7167 солдат. Генерал Зотов говорит об этом деле: “Криденер обвиняет Шаховского, и наоборот; одно ясно, что встрепка нам дана порядочная. Отступление уподобилось бегству, паника распространилась даже за Дунай”.

Много лет спустя Куропаткин выясняет причины поражения. Различные отряды действовали без всякой связи между собой; сверх того, все усилия были потрачены с целью взять Гривицкий редут, хотя значение этого редута было ничтожно. Куропаткин подтверждает, что отступление произошло в беспорядке, добавляя, что если бы Осман-паша не остался на занятой позиции, а решился преследовать, то мог бы истребить отбитую армию. Но действия кавалерии на левом фланге под начальством “Скобелева-второго”, пишет Куропаткин, были образцовыми несмотря на неблагоприятную местность. Что значит в таких случаях искусство военачальника, ясно из того, что на правом фланге кавалерия генерала Лошкарева ровно ничего не сделала и даже усилила замешательство во время отступления.

После “второй Плевны” война приняла совершенно новый характер. Из нападающей стороны мы стали в положение обороняющихся. Стремительный поход Гурко, уничтожавшего по пути железнодорожные станции и даже целые участки железной дороги, завел его отряд так далеко, что он не мог поспеть ко “второй Плевне”, а между тем с появлением всех сил Сулейман-паша войскам Гурко пришлось отступить назад, за Балканы. Результатом было предоставление населения оставленной части Болгарии турецким неистовствам. Тяжело было даже положение рушукского отряда, против которого выступила вдвое превосходившая его по силе турецкая армия. Одним словом, на всех пунктах нам пришлось перейти к обороне, выжидая подкреплений, и если бы турки не обнаружили нерешительности в атаке, то положение нашей армии могло стать критическим. Турки упустили время, и прибытие гвардии и других свежих

войск решило участь войны в нашу пользу. В самое критическое время – когда ожидали подкреплений – военный талант Скобелева проявился в полном блеске.

Глава III

Ловча и третья Плевна

После “второй Плевны” турки перешли в наступление против каждого из наших трех фронтов, имея всюду превосходные, хотя и не подавляющие силы. Трудно, однако, сомневаться в том, что если бы турки были так же искусны в атаке, как в обороне, они могли бы нанести нам ряд поражений и отбросить нас за Дунай. Главной ошибкой турок было держать шумлинскую армию в отдалении от армии Сулеймана-паши: соединение этих двух армий и атака ими наших корпусов, 12-го и 13-го, могли бы дать войне совершенно иной оборот. Вместо этого турки потратили много сил на атаку Шипки (9-11 августа) в то самое время, как Осман-паша произвел неудачное нападение на западный отряд при Пелишате, а Мехмет-Али в свою очередь был отбит у Аблавы. Конечно, нападение Сулеймана-паши на Шипку, заставив нас двинуть туда значительные силы, затруднило еще более борьбу под Плевной; но успехи, достигнутые турками, далеко не соответствовали превосходству, добытому ими после несчастного для нас дела 18 июля.

В ряду мер, предпринятых с нашей стороны после “второй Плевны”, было формирование упомянутого уже западного отряда под командою Зотова. Этому генералу был подчинен также вновь сформированный небольшой отряд, порученный Скобелеву. Зотов об этом пишет:

“Румыны и Скобелев подчинены мне, но распоряжаться ими я не могу. (Распоряжения шли из главной квартиры). Назначение отряда Скобелева – служить связью между 4-м корпусом и отрядом князя Мирского... Великий князь (главнокомандующий) желает, чтобы без особой надобности не отвлекать этот отряд от его прямого назначения. Пространство от Никополя до Какрино, где, как я узнал, находится Скобелев, – местность на севере волнистая, к югу, за Осмой, гористая”.

Посмотрим, как чувствовал себя Скобелев на этой какринской позиции. Было уже замечено, что о силах, которыми располагал Осман-паша в Плевне, в нашей армии ходили самые преувеличенные слухи. Цертелев определял их в 70 тысяч, Зотов – даже в 80. Нападение Сулеймана на Шипку заставило думать многих, что Осман произведет еще более решительное наступление. Опасались, что он двинется на Ловчу и станет в тыл нашей армии, боровшейся против Сулеймана. То и дело приходили предписания остерегаться движения турок на Ловчу, к Сельви и к Габрову. Маленькому отряду Скобелева было

предписано стоять неподвижно на своей позиции, главным образом с целью наблюдения за движениями турок.

Скобелев не разделял этих мнений. Он лично с небольшим конвоем произвел рекогносцировку, исследовал путь в Ловчу и устроил казачий разъезд для наблюдения пути на Иметли. Эти меры убедили Скобелева, что наступление турок из Ловчи к Сельви невыполнимо и что поэтому его собственное бездействие не приносит ни малейшей пользы делу. Тяжело было положение пылкого и в то же время глубоко понимавшего дело молодого генерала. Не стесняясь никакими дисциплинарными формами, он бомбардировал всех кого мог письмами, умоляя о разрешении перейти в активное положение. Он обращается то к князю Святополк-Мирскому, то к самому генералу Радецкому, отстаивающему Шипку, предлагая свои услуги и ручаясь, что Сельви не угрожает никакой опасности, но получает то отказы, то уклончивые ответы, то, наконец, невыполнимые или бесполезные предписания, вызванные порою слухами, искусно пущенными в ход с турецкой стороны.

Для более правильного суждения о положении Скобелева и его намерениях необходимо привести некоторые документальные данные. 16 августа Скобелев писал с позиции у Какрина, на шоссе из Сельви в Ловчу, полковнику Тутолмину:

“Если на месте окажется не *безумно отважным* (под этим выражением я понимаю такое движение вперед, которое по всем приметам должно будет повести к гибели разъезда), то было бы *крайне желательно* двинуться... к Иметлийскому перевалу, дабы убедиться... в настоящем расположении неприятельского левого фланга действующих войск против Шипки... Сведения о противнике 15 августа: после ряда безуспешных попыток овладеть Шипкою вчера последовало затишье, которым турки пользуются, чтобы обходить большими массами наш правый фланг на Зелено-Древо и Иметлийский перевал”.

19 августа Скобелев уже имел сведения, что дорога, идущая из Иметли через Зелено-Древо в Габрово (где были наши войска, оборонявшие выходы на Шипке), вполне проходима даже для артиллерии.

Между тем еще 14 августа Скобелев писал Святополк-Мирскому:

“Потрясающее впечатление, произведенное рассказом г-на Стенли о положении наших на Шипке, заставляет меня высказать вам мое глубокое убеждение: неприятель искусно маневрирует, отвлекая часть наших войск от сражения на перевале. *Немедленное* прибытие девяти батальонов может иметь *решающее значение* в нашу пользу. Два полка из Сельви, 64-й казанский с

занимаемой мною позиции могут быть завтра утром в Габрове... В данный момент Сельви не угрожает никакая опасность. Почему же нам не маневрировать?! Только что с двумя сотнями из-под Ловчи; никаких признаков присутствия значительных сил”.

На следующий день он почти то же пишет Радецкому:

“Вверенный мне отряд, по моему убеждению, бесцельно стоит впереди Сельви... Между тем присутствие в бою на Шипке четырех отличных батальонов... могло бы иметь большое значение... Начальник штаба вверенного мне отряда, капитан Куропаткин, объяснит Вам, на основании каких дисциплинарных соображений я беру смелость прямо обращаться к Вашему Высокопревосходительству”.

16 августа Скобелев послал Радецкому второе письмо, прося позволения ударить по туркам, атакующим Шипку, с тыла. Можно себе представить положение Скобелева, до которого порою доносился гул выстрелов на Шипке, вынужденного бездействовать у Какрина! В ответ на второе письмо Скобелева Радецкий сообщил, что переслал его предложение в главный штаб Непокойчицкому, но последний продолжал опасаться за Сельви! По-видимому, и сам Радецкий желал во что бы то ни стало удержаться на Шипке сам, но все-таки писал, что, может быть, примет предложение Скобелева. Будь это предложение принято вовремя, наши потери на Шипке, конечно, были бы менее значительны, и, отделавшись здесь от турок, мы могли бы ускорить падение Плевны несколькими месяцами.

19 августа Скобелев наконец получил секретное предписание из главной квартиры, которое хотя и не удовлетворило его желаний, но по крайней мере дало ему возможность прекратить томительное бездействие. Правда, и на этот раз Скобелеву поручалась весьма скромная роль разведчика. Ему было велено собирать сведения о неприятеле на стороне Трояна, чтобы обеспечить движение князя Имеретинского, которому было поручено взять Ловчу, а затем наступать к Плевне. Ввиду этого отряд Скобелева был подчинен Имеретинскому, составляя авангард в отряде этого генерала. К счастью, в лице Имеретинского Скобелев встретил начальника, не стеснявшего свободы его действий, а наоборот, обратившегося к Скобелеву за советом.

Скобелев немедленно составил план действий и послал 19 августа князю Имеретинскому подробную записку, начинающуюся словами: “Задача: взять город Ловчу с возможно меньшими потерями”. Далее следует план, в котором замечателен следующий пункт, содержащий перечисление начал, которыми сам Скобелев постоянно руководствовался:

“Основные принципы: 1) Тщательное знакомство с местностью и расположением противника. 2) *Обширная артиллерийская подготовка с дальних и близких позиций.* 3) Постепенность атаки. 4) Содействие фортификации. 5) Сильные резервы и экономное их расходование” и т.д.

Ночью 19 августа князь Имеретинский предписал Скобелеву выдвинуться к Ловче и занять позицию у фонтанов, в шести верстах от Ловчи. Князь считал невозможным атаковать раньше 22 августа. Скобелев просил сделать это днем раньше, ручаясь за успех атаки, так как отлично знал силы противника. Князь не согласился.

Когда наконец отряду Скобелева было предписано двинуться, радость его была, по словам Куропаткина, велика. Бездействие на какринской позиции утомило хуже похода. Особенно рвались в бой офицеры Казанского полка и кавказцы.

Расположение высот, окружающих Ловчу, весьма благоприятно ее укреплению. Из Ловчи турки могли бы сделать новую Плевну, но позиция совершенно не соответствовала силам, ее занимавшим, всего до 8 тысяч человек. Другой недостаток турецкой позиции в том, что против нее, на правом берегу Осмы, лежали командующие высоты. Взятие этих высот, разумеется, было первою заботою Скобелева.

Сделав восемь верст, авангард Скобелева не встретил неприятеля и дошел до фонтанов, где остановился, поджидая главные силы. Две из высот, которые следовало атаковать, оказались занятыми неприятельскими постами. Оттуда раздались выстрелы. Чтобы убедиться, занята ли третья гора, впоследствии названная Счастливой, Скобелев вызвал охотников из кавказских горцев. Там оказалась лишь слабая кавалерийская цепь; высота эта была тотчас захвачена казанцами. Затем удалось овладеть и другими высотами, где стали размещать артиллерию.

Сам бой под Ловчей разделялся на два периода. Первый состоял из артиллерийской подготовки. Хотя наша артиллерия численностью превосходила турецкую, последняя производила сильное впечатление своей дальнобойностью и поражала нас безнаказанно с такого расстояния, которое не позволяло нам вредить заречному редуту и батарее, фланкировавшей нашу позицию.

В 7 часов утра 22 августа Скобелев заметил недолет наших снарядов и писал Имеретинскому: “Артиллерия сама стреляет со слишком большой дистанции”. Около 9 часов пополудни Скобелев, объезжая позицию, проехал на батарею Имеретинского. Там наши четыре орудия тщетно боролись с двумя турецкими, у нас командовал поручик Дубасов. Увидев приближающегося

Скобелева, офицеры стали звать к орудиям людей, спрятавшихся в овражки. Люди хотя медленно, но выскакивали и строились для встречи: это заставило Скобелева выстроить их у орудий, и он приказал отвечать противнику. Новый турецкий снаряд зашипел, но Скобелев хотел, чтобы никто не прятался, и добился этого. Счастье лично ему покровительствовало, но несколько человек были выведены из строя. Зато поведение Скобелева ободрило остальных, и один из фейерверкеров сам уже стал ободрять товарищей, говоря, что “умереть за царя легко”, убедившись в том, что солдаты успокоились, Скобелев сказал: “Теперь сам приказываю вам при приближении снарядов прятаться в овражки, затем посылать ответ”.

Когда подготовка была признана достаточной, Скобелев подал сигнал для наступления. Было 12 часов, заиграла музыка. Казанский полк в полном порядке, с развернутым знаменем двинулся на Рыжую гору. Скобелев разослал ординарцев в карьер, предписав открыть стрельбу залпом. Неприятель сопротивлялся слабо. Сам Скобелев занял небольшую площадку, карнизом висящую над городом. Турки из заречного редута открыли огонь. Но на этот раз и наши разрывные снаряды достигали редута и произвели там взрыв и пожар, вскоре, однако, потушенный.

Второй период боя состоял уже в занятии города Ловчи и построении в нем войск, затем в атаке укрепления против берега Осмы с ключом позиции – заречным редутом. Занятие Ловчи производилось по личному указанию Скобелева. Город был очищен, дома заперты, улицы пустынные; кое-где виднелись следы грабежа и разрушения. С появлением русских войск стали показываться одиночные болгары, довольно безучастно смотревшие на нас. Эти самые болгары принимали русских раньше, 5 июля, как освободителей; но с тех пор много воды утекло. Неудачи Шильдера-Шульднера и Криденера, отступление Гурко и зверства турок в долине Тунджи, занятие Ловчи турками – все это подействовало на болгар угнетающе. Но в отряде Скобелева, пишет Куропаткин, все понимали чувства болгар и, глядя на враждебные их лица, редкий допускал слова укора.

Бой в городе продолжался недолго. Во время боя один из батальонов Эстляндского полка, состоявший из молодых солдат, побежал через кладбище, прячась от турецких пуль. Скобелев, увидев это, чтобы дать урок, приказал выстроить батальон посреди кладбища, лицом к неприятелю и, выбравив людей за беспорядок, велел проделать ружейные приемы.

“Турки, – пишет Куропаткин, – начали сыпать пули, но солдат на войне делает чудеса: ни град пуль, ни вид в первый раз в жизни раненых товарищей не помешали остальным чисто

выделять приемы. Добившись желаемого спокойствия, генерал Скобелев уже не считал полезным дальнейшее форсирование сил солдат и приказал вести батальон по назначению, что и было исполнено в полном порядке”.

Последним моментом боя было движение на правый фланг турок. Семь батальонов, имея во главе самого Скобелева, с барабанным боем и с распущенными знаменами двинулись штурмом на путь отступления турок, еще сильных в их грозном редуте. Вид этой свежей массы войск, идущих, как на ученье, с музыкою, отрезать последний путь к спасению, подействовал на турок потрясающим образом. Их отчаянная энергия была сломлена. Турки дрогнули, и сражение обратилось в бойню. Многие в беспамятстве бросились из редута и соседних траншей к северу, где все пали под пулями и штыками нашей пехоты. В несколько минут все было кончено; кавалерия уже гнала небольшие остатки восьми турецких батальонов^[5].

Бой под Ловчею окончился, таким образом, полным поражением турок. Неприятель был почти истреблен. По показанию болгар, только 400 турок спаслись на Микре. Если это и преувеличено, то достоверно известно, что наши зарыли 2200 турецких трупов. Сами турки определяют свои потери в 2000 человек; наши потери достигли 1516 убитыми и ранеными. Принимая во внимание могущество позиции и дальноточность турецких орудий, эту победу под Ловчей, одержанную главным образом Скобелевым, следует считать одним из самых блистательных дел всей кампании.

Действия турецкой артиллерии были действительно изумительны и обусловлены исключительно высоким качеством орудий: пять турецких орудий до конца боя удачно боролись с 92 русскими. После этого можно оценить по достоинству слова того русского генерала, который в 1882 году сказал на могиле Скобелева: “Дайте мужикам топоры и поставьте во главе их Скобелева, – у вас готова лучшая в мире армия”. Конечно, сам Скобелев предпочел бы крупновские орудия не только топорам, но и плохим русским пушкам. Он был слишком предан военной науке и искусству, чтобы верить в действенность топора, хотя бы и в руках руководимого им солдата.

Вообще при описании боевой деятельности Скобелева всего менее уместны преувеличения: эта деятельность говорит сама за себя, и всем говорящим и пишущим о Скобелеве не мешало бы помнить приказ по войскам, данный им своему отряду накануне Ловчинского боя. В приказе этом нет ни одной громкой фразы, никакого надутого пафоса и, наоборот, сказано: “Ура!” кричать только в том случае, когда неприятель действительно близок”.

Взятие Скобелевым Ловчи в значительной мере облегчило действия под Плевной. К сожалению, план этих действий был недостаточно обдуман, и стоявших под Плевной войск было недостаточно. Куропаткин откровенно высказывает, что предприятия, затеянные 25 августа, казались большей частью “необычайными и малосбыточными”.

К рассвету 26 августа началась установка батарей. Ночь перед этим была теплая, войска двигались, стараясь не производить шума, не позволялись ни разговор, ни курение. Настроение у всех было серьезное. Отряды князя Имеретинского и Скобелева находились с южной стороны Плевны, к западу от Тученицкого оврага. Беспечность турок значительно обеспечила занятие нами передовых позиций еще с вечера 25 августа без всякого боя. К 6 часам утра 26 числа раздался напряженно ожидаемый сигнал – залп из 12-орудийной осадной батареи. Первоначально огонь с нашей стороны был лихорадочный, ожесточенный; турки опешили и отвечали не сразу, но затем начали отвечать весьма метким методичным огнем из своих страшных орудий: на этот раз наши войска стояли так близко, что дальнобойность не причиняла нам особого вреда, тем не менее огромные неприятельские гранаты своим шипением пугали непривычных солдат. Казак Дукмасов, впоследствии ставший ординарцем Скобелева, подъехав к отступавшим солдатам Калужского полка, закричал: “Как вам не стыдно! А еще скобелевские герои!” Репутация Скобелева после Ловчи была уже чрезвычайно велика во всей армии. Казаки поскакали и вернули солдат. Несколько минут спустя те же калужцы двинулись в атаку с таким рвением, что овладели даже третьим гребнем и преследовали турок до зеленогорного ручья и далее, пока турецкие резервы не отбили их. Как раз в это время Дукмасов увидел группу всадников, впереди которой особенно выделялся на белой лошади молодой генерал. Это и был Скобелев, который велел Дукмасову вернуться на позицию и подобрать всех раненых.

“Надеюсь, – сказал он, – что вы исполните возлагаемое на вас поручение добросовестно, честно, а завтра утром доложите, сколько раненых вы подобрали”.

Дав шпоры коню, он поскакал к Брестовацу. Раненых оказалось так много, что невозможно было считать. Около четырех часов Дукмасов опять увидел конную группу со знакомым значком и белым всадником впереди. Побыв некоторое время на батарее и не обращая внимания на сильный артиллерийский и ружейный огонь, открытый турками, Скобелев поскакал даже за линию аванпостов, внимательно осматривая местность.

– Господа, – обратился он к казачьим офицерам, – старайтесь хорошенько запоминать местность и расположение войска... Даже по ночам вам придется ездить... От толкового и храброго ординарца часто зависит успех боя. Поезжайте к командирам всех частей и объявите им, чтобы к завтрашнему дню они непременно пополнили свои патроны. Чтобы везде была приготовлена горячая пища и непременно по полтора фунта мяса на человека. Я строго взыщу с командиров, если замечу отступление от этого. На передовых позициях пусть люди углубляют траншеи и чтобы имели при себе по фунту мяса.

В этом и других боях Скобелев доказал полную возможность (отвергаемую многими авторитетами) кормить солдат горячей пищей даже на передовых постах под свистом пуль.

29 августа после полудня войска наши по приказанию Скобелева с первого гребня двинулись вперед и быстро овладели вторым гребнем. Турки в беспорядке бежали и открыли сильнейший огонь, но солдаты продолжали рыть траншеи, несмотря на крайний недостаток шанцевого инструмента. В ночь с 29 на 30 августа турки сделали слабую попытку наступления, но были отбиты Эстляндским полком.

Наступил памятный для наших войск злополучный штурм 30 августа. Мы здесь не станем подробно разбирать, что именно обусловило нашу неудачу в борьбе, которую мы вели со значительно превосходящими силами. В общем, штурм 30 августа сводился к обороне сорока тысячами при 60 орудиях, правда, весьма сильной позиции, с тылом, прикрытым местностью, против девяноста тысяч русских и румынских войск с 400 орудиями. Ограничимся напоминанием вещей общепризнанных. Известно, что штурмом 30 августа командовал не главнокомандующий, а генерал Зотов, который был, однако, номинально подчинен молодому румынскому принцу Карлу. Это подчинение, хотя и номинальное, сильно охладило пыл Зотова и уменьшило чувство ответственности. Огромной ошибкой Зотова было оставить в Ловче слишком большой гарнизон. Место главной атаки было выбрано неудачно, артиллерийская подготовка велась совершенно бестолково, наша артиллерия непрерывно бомбардировала неуязвимые земляные насыпи. Ходили слухи, что, “постреляв два дня, легко возьмут Плевну штурмом”, а между тем четырехдневная пальба из орудий не дала ощутительного результата, исключая того, что турки свыклись с нашим бесцельным огнем и перестали бояться^[6]. Сам Скобелев, по недостаточному знакомству с местностью, куда был переведен недавно, сделал немало ошибок, например, неправильно двинул Калужский полк. Это он откровенно признал в своем донесении,

где о действиях 27 августа сказано: “Неудача должна быть приписана не вполне ясной оценке мною перед атакою свойств местности и расположения противников”.

Зато во время штурма 30 августа из всех начальников один Скобелев заслуживает безусловной похвалы. Предпринятая им по личному усмотрению атака редутов, прозванных затем Скобелевскими, могла бы повернуть бой в нашу пользу и даже решить участь Плевны, если бы другие начальники сумели поддержать вовремя энергичного генерала. Но как поддерживали Скобелева, видно хотя бы по следующему примеру: когда Скобелев едва уже мог держаться против наступавших на него превосходных сил Османа-паши, Зотов не прислал ему подкрепления единственно потому, что не желал принять в расчет румынских резервов, ставя их ни во что и руководствуясь при этом досадою на свое подчинение принцу Карлу. Если бы генерал Зотов отправил даже бригаду пехоты и 30 орудий на левый фланг, то мы могли бы отбить и пятую атаку турок на Скобелевские редуты. После падения Плевны Осман-паша и его генералы открыто говорили, что, отбей мы эту последнюю атаку на генерала Скобелева, *турки решились отступить ночью*^[7].

План Скобелева атаковать редуты № 1 и 2 был действительно гениален и поразил турок и самого Османа-пашу своей неожиданностью, даже дерзостью. Не удивительно, что Осман-паша направил сюда свои главные силы. Общая атака была назначена в три часа, но на Зеленых горах бой начался гораздо раньше: Скобелев решил занять третий гребень, укрепиться и затем уже двинуться с другими войсками на штурм. Это и было исполнено полками Владимирским и Суздальским.

Когда Скобелев скомандовал в три часа атаковать редуты, эти же полки двинулись в полном порядке, под музыку спустились с третьего гребня, перескочили ручей и стали карабкаться по скользкому от дождей голому скату, убийственный огонь турок остановил их на полдороге. Скобелев решился на крайнюю меру: он бросил в боевую линию весь бывший в его распоряжении резерв.

Пять свежих батальонов скрылись в зловещей долине, которая так же быстро поглотила их, как уже поглотила одиннадцать раньше посланных... Несколько тысяч человек уже убыли из строя. Либавцы и стрелки стали в свою очередь карабкаться по скату. “Дрались врукопашную”.

В это самое время наш правый фланг и фронт приостановились. Дальше пусть описывает участник боя Куропаткин.

“Успех боя окончательно поколебался. Тогда Скобелев решил

бросить на весы единственный оставшийся в его распоряжении резерв – самого себя. Неподвижно, не спуская глаз с редутов, стоял он верхом, спустившись с третьего гребня на половине ската до ручья, окруженный штабом, с конвоем и значком. Скрывая волнение, Скобелев старался бесстрастно, спокойно глядеть, как полк за полком исчезали в пекле боя. Если Скобелев не бросился ранее с передовыми войсками, как подсказывала ему горячая кровь, это только потому, что смотрел на себя как на резерв до решительной минуты. Минута эта настала. Дав шпоры коню, Скобелев быстро доскакал до оврага, опустил или, вернее, скатился к ручью и начал подниматься на противоположный скат к редуту № 1. Появление генерала было замечено даже в те минуты, настолько Скобелев был популярен”.

Присутствие Скобелева настолько воодушевило солдат, что вскоре турки были выбиты из ложементов перед редутом № 1. Двигаясь нестройными, но дружными кучами, полки перемешались между собою, многие шли даже в одиночку. Это была толпа, руководимая одним героем. Наконец наши ворвались в редут с остервенением. Скобелев один из первых добрался до редута и скатился с лошастью в ров. Высвободившись, он попал в самый пыл схватки. В рукопашном бою большая часть защищавших редут турок была перебита. Схватка еще не кончилась, как офицеры и солдаты окружили Скобелева, умоляя его поберечь себя и идти назад. Тяжелораненый майор Либавского полка тащил Скобелева за ногу; лошадь, на которую сел Скобелев, была насильно повернута и выведена из редута.

Ночь прошла спокойно; но утром 31 августа канонада и ружейная пальба начались с обеих сторон. Турки стреляли перекрестным огнем по занятым Скобелевым редутам и после короткой бомбардировки густыми цепями двинулись к редуту № 1, но, несмотря на огромное превосходство в силах в этом пункте, были отбиты. Около десяти часов утра опять показались густые цепи красных фесок. Дукмасов дополняет описание Куропаткина, рассказывая следующее:

“Начальник штаба Куропаткин был контужен и обожжен взрывом, но остался на позиции и продолжал распоряжаться обороной... По отбитии атаки Скобелев поехал на правый фланг, на редут № 2.

– Вот посмотрите, Дукмасов, – сказал Скобелев, указывая на полусотню казаков, бывших впереди редута. – Этим господам я приказал выбить из огородов башибузуков. Опять ваши казаки... (тут генерал употребил крепкое слово), – продолжал Скобелев, заметно раздражаясь. – Поезжайте и скажите, чтобы сейчас же выбили эту сволочь!

Скобелев сильно задел мое казачье самолюбие. Вспылив и не сознавая, что говорю, я ответил:

— Если вы, ваше превосходительство, ругаете так нас, казаков, то я не могу исполнить вашего приказания.

– Как вы смеете рассуждать, хорунжий! – грозно крикнул Скобелев, весь вспыхнув. – Я прикажу вас расстрелять.

– Как угодно... Каждый из нас может быть расстрелян неприятелем, но, если прикажете, меня расстреляют свои пули”.

У Скобелева между тем мгновенная вспышка прошла. Он протянул руку Дукмасову и с добродушной улыбкой сказал:

– Ну, извините меня, голубчик, я погорячился.

“Эта искренняя фраза, – пишет Дукмасов, – еще более расположила меня к этому человеку, которым я был просто очарован... Я поехал к казакам, передал им приказание Скобелева, и они немедленно и дружно его исполнили”.

Возвратившись к Скобелеву, Дукмасов встретил его крайне встревоженным. В руках он держал телеграмму от генерала Зотова и говорил Куропаткину:

– Черт знает что такое! Пишут, что нет подкреплений, а между тем мы видели у них целые колонны, ничего не делающие! Хоть бы произвели демонстрацию и отвлекли от них часть неприятельских сил! Ведь нам приходится бороться чуть ли не со всею армией Османа-паши! Отряд наш истощает свои последние силы в непосильной борьбе!

От внутреннего волнения у Скобелева показались даже слезы на глазах. Он опустил голову и отвернулся.

– Если бы мне теперь свежую бригаду – я доказал бы... – он окончил фразу вполголоса, затем поднял голову и сказал громко, чтобы Дукмасов поскакал на оба редута и прочитал телеграмму, гласившую, что подкреплений нет и что Зотов надеется, что войска Скобелева удержатся собственными силами.

Скобелев так искусно умел пользоваться нравственным элементом в бою, что возникает вопрос, какова была цель прочтения этих телеграмм, производшая, по показанию Дукмасова, удручающее впечатление на обессиливших солдат? Ответом является другое показание того же Дукмасова: в одном месте он наврал, что великий князь главнокомандующий тотчас пришлет подкрепление, и никакого впечатления не произвел; в другом месте прочел печальную телеграмму, но услышал от одного из товарищей хладнокровный ответ: “Э, братец, все равно, куда ни прячься – один черт”. Говоривший это преспокойно курил папиросу под перекрестным неприятельским огнем.

Оказалось, что Скобелев прав: солдаты и офицеры, засевшие в редутах его имени, видя, что помощи нет и что все равно куда

ни прячась, “под влиянием прочитанной телеграммы” решились дорого продать жизнь. Многотысячная толпа турок с криками “Алла!”, пением и стрельбой на ходу атаковала редуты, муллы в белых чалмах двигались с таборами, держа над головами Кораны, впечатление дополняли черкесы и башибузуки своими криками и гиканьем. Горстки наших солдат защищались штыками против вдесятеро сильнеешего неприятеля, и если они были выбиты, то, конечно, не по своей вине.

Стоя на втором гребне Зеленых гор, Скобелев с отчаянием видел, как была захвачена турками сначала траншея майора Горталова (сам майор был поднят на штыки), затем и редут № 1. Видя невозможность дальнейшего сопротивления, сам Скобелев велел очистить редут № 2, но только после третьего приказа защитник его Мосцовой медленно и в порядке отступил.

Говорят, что в этот момент критическое положение отряда Скобелева было лично замечено покойным государем Александром Николаевичем, издали наблюдавшим сражение. На вопрос императора, нельзя ли прислать подкрепление, некоторые генералы сказали, что рискованно ослабить главный резерв и что если Скобелев будет разбит, то это не важно, так как главная атака будет отражена.

Александр II, император Всероссийский

По несчастью, главная атака была направлена как раз против Скобелева.

По оставлении редутов Скобелев стал делать энергичные распоряжения, чтобы укрепить второй гребень Зеленых гор. Ему не было дано саперов, что значительно затруднило дело. К этому времени подошел почти истребленный при атаке так называемого Радищевского редута Шуйский полк, присланный наконец Зотовым в виде подкрепления, о чем сначала заявил ординарец великого князя.

– Поздно! – сквозь зубы проговорил Скобелев. – Двумя часами раньше мне нужно было только бригаду, теперь же этот полк может только прикрыть отступление. Да и что это за полк, когда в нем только 700 штыков! Это батальон, хотя и с тремя знаменами.

Прибытие даже самого слабого подкрепления оказалось кстати. Турецкая пехота продолжала наступление. По приказанию Скобелева войска наши молчали. Но вот он махнул рукой – и по

всей линии открылся огонь батарей и ружей; в то же время две сотни казаков под предводительством самого Скобелева поскакали за турками и погнали их назад до оврага.

На следующий день наступление турок продолжалось. Скобелев отбросил неожиданную атакою неприятельскую цепь и башибузуков и остался на своей позиции. Несмотря на поражение, которое мы потерпели в боях 30 августа, упорная борьба Скобелева настолько расстроила турок, что если бы и после того были сделаны надлежащие распоряжения, не пришлось бы ждать прибытия Тотлебена для взятия Плевны голодом.

Дополним этот рассказ о “третьей Плевне” патетическим местом, находящимся в “Воспоминаниях” Верещагина.

31 августа Верещагин узнал от адъютанта главнокомандующего Дерфельдена, что один его брат ранен, другой – убит. Художник поспешил на левый фланг, чтобы просить Скобелева по возможности отыскать тело убитого брата. Когда Верещагин достиг Зеленых гор, он встретил князя Имеретинского и других генералов и офицеров. Увидев Верещагина, Скобелев, который тут же обедал, спросил его, зная, что художник пришел из главной квартиры:

– Ну что, сегодня намерены ли нам прислать подкрепление?

Верещагин ответил, что ничего не знает, не слышал и сомневается, чтобы прислали.

Тогда со Скобелевым, по словам Верещагина, случилось нечто невозможное: “Р-р-р...”

“Эти рыдания храброго генерала резанули меня, – говорит Верещагин, – как ножом. Если бы не моя собственная рана, я помчался бы к главнокомандующему, который, вероятно, не был вполне осведомлен о положении дел”.

Три с половиною месяца спустя, когда Плевна пала, Верещагин поехал со Скобелевым на панихиду, отслуженную в память защитников несчастного Скобелевского редута. Здесь Михаил Дмитриевич сообщил ему все, что пережил. Для облегчения штурма, для того, чтобы вскарабкаться на высоты, солдаты побросали шанцевый инструмент, и, когда потом пришлось рыть траншею, они пустили в ход штыки и свои пять пальцев! Конечно, таким образом нельзя было создать никакого прикрытия, а турки уже наступали и кололи штыками последнюю горсть храбрых. Указывая на этот маленький вырытый пальцами ров, Скобелев буквально заливался слезами и горько рыдал во все время панихиды. Многие из присутствовавших также зарыдали.

А между тем и до сих пор еще существует мнение, в свое время распространенное корреспондентами некоторых газет,

будто Скобелев смотрел на солдат только как на пушечное мясо и будто только ради побед он не щадил человеческих жизней. О ком угодно можно сказать это – такие примеры бывали в турецкую войну, – только не о Скобелеве.

Глава IV

Плевненское сидение. – Тотлебен и Скобелев. – Падение Плевны. – Зимний переход через Балканы. – Имитли, Шейново, Шипка. – Набег на Адрианополь. – Конец войны. – Взгляд Скобелева на восточный вопрос. – Досу́г и дело в мирное время

Важным источником для истории плевненского сидения в связи с биографией Скобелева являются коротенькие записки, оставленные Тотлебенom, которого вызвали с целью поправить ошибки неопытных полководцев.

Еще 12 сентября Тотлебен писал из Бухареста: “Завтра утром поеду с генералом Скобелевым в Зимницу, а послезавтра – в главную квартиру, в Горный Студень. Генерал Скобелев был болен, оставался несколько дней в Бухаресте. Я признаю нашу встречу здесь счастливою случайностью, так как он хорошо знаком с положением дел... Он сообщил мне много интересного. Скобелев говорит, что в армии ожидают меня с нетерпением”. 22 сентября Тотлебен находится уже в лагере при Плевне, в распоряжение его дают около ста тысяч пехоты и десять тысяч кавалерии, но не дают ему ни штаба, ни помощников. Тотлебен сам выбирает князя Имеретинского начальником штаба. О Гурко он пишет: “Гурко только сегодня приедет и должен еще ознакомиться с местностью”, – и затем замечает: “Знаменитый Скобелев также под моим начальством”.

Тотлебен стал главнокомандующим под Плевной, но не мог распоряжаться другими операциями. Тотлебен остался многим крайне недоволен, особенно интендантскою частью. Он осуждал также всякого рода штурмы. Штурм Плевны был, с его точки зрения, величайшей нелепостью, и даже действия под Горным Дубняком он считал “безрассудными”, говоря, что потери, понесенные в этом деле войсками Гурко, далеко не соответствовали достигнутым результатам, “хотя гвардейцы сражались подобно львам”. О средствах осады Тотлебен пишет: “У меня 30 осадных орудий, а надо 200!”

После “третьей Плевны” руководители наших военных операций решили, что успешный штурм невозможен; остановились поэтому на блокаде. Ввиду того, что Осман-паша все еще имел сообщение с Софией, прежде всего было решено взять Телиш и Горный Дубняк в тылу Плевны. Эти укрепления и были взяты гвардией, вызванной из России.

Генерал Тотлебен

Генерал Гурко

Взятие Горного Дубняка под командою Гурко было значительно облегчено ложною атакою, чрезвычайно искусно произведенною Скобелевым с помощью Куропаткина. Атака была введена так, что турки приняли ее за настоящую, и Осман-паша не решился помочь горно-дубнякскому гарнизону. После взятия Горного Дубняка и Телиша Скобелев установил на Рыжей горе артиллерию и велел устраивать ложементы и траншеи, что и было исполнено несмотря на сильный огонь турок. Перед вечером 24 октября Скобелев с Куропаткиным, Дукмасовым и другими осматривал позиции. Турецкие гранаты взрывали подле него комья земли, но он продолжал свои объяснения.

30 октября Скобелев около полуночи двинул свои войска на турецкие траншеи. Турки, не ожидавшие ночного нападения, бежали в паническом страхе. Темнота была непроглядная. Между

прочим произошел следующий эпизод, описанный Дукмасовым:

“В темноте Дукмасов вдруг увидел свет от маленького фонаря. Дукмасов указал дорогу. Переехали шоссе и спустились в долину, как вдруг увидели бегущих солдат.

– Это что такое?! – закричал Скобелев громким голосом. – Стой! Что за безобразие! Где офицер?

Подошел испуганный офицер и взял под козырек.

– Объясните, что это значит? – грозно обратился к нему Скобелев.

– Ваше превосходительство, турки открыли такой огонь и такую панику нагнали, что они побросали лопаты... Мы ничего не могли сделать! – смущенно докладывал офицер.

– Какой же вы офицер! У вас самолюбия никакого нет! Стыдитесь, молодой человек!

Пристыдив офицера, Скобелев велел собрать солдат и идти обратно в траншеи. Солдаты были сильно сконфужены.

– Смотрите, ребята, – сказал Скобелев, – вы должны загладить вашу страшную вину – иначе я не хочу вас знать, не хочу вами командовать! Будьте солдатами, а не бабами. Господа, пойдемте пешком в траншеи!

Слезли с коней. Шли по виноградникам, спотыкаясь. Наконец добрались до траншей, но они были пусты.

По дороге Скобелев все время шутил с Дукмасовым, говоря, что в такой темноте легко попасть к туркам и что турки их обоих посадят на кол”.

С тех пор до самого падения Плевны потекла скучная, монотонная жизнь в траншеях. Но именно в это время обнаружилась в полной мере удивительная заботливость Скобелева о солдате. До чего доходила эта заботливость, видно из того, что наряду с соображениями об укреплениях Скобелев обдумывал, где устроить отхожие места для солдат, которые по беспечности, выходя из траншей, попадали под пули. Сам Скобелев наравне с солдатами поселился в траншее, спал в ямке, наполненной соломой, и покрывался буркой. По словам Дукмасова, солдаты были, видимо, обрадованы, что Скобелев разделял с ними все невзгоды. Настроение его отряда было бодрое, почти веселое, насколько можно быть веселым в дождь и слякоть и под свист пуль и шипение гранат.

Об этом периоде боевой жизни Скобелева сохранились любопытные заметки Тотлебена. По нашему мнению, честь взятия Плевны принадлежит Скобелеву почти наравне с Тотлебенем. Сам Скобелев высоко ценил теоретические познания Тотлебена и его опытность, вынесенную из Севастопольской обороны. Наоборот, Тотлебен не мог не оценить военной гениальности Скобелева,

соединенной с огромной начитанностью. По-видимому, эти два человека должны были сойтись, и действительно они дополняли друг друга; но различие натур было слишком велико для взаимной симпатии. Методичный немец, задавшийся целью выморить турок голодом, как сделали его соплеменники с французами во время осады Парижа, отъявленный враг штурмов и всяких смелых атак, и пылкий, страстный, нетерпеливый молодой русский генерал – может ли быть более полный контраст?

До битвы нашей гвардии с турками под Горным Дубняком между Скобелевым и Тотлебенем еще господствовало полное согласие. 5 октября Тотлебен писал: “Вчера был у генерала Скобелева и производил с ним в продолжение 6 часов рекогносцировку местности под Плевною”. День спустя Скобелев пишет князю Имеретинскому: “Мне известен план Его Высочества (главнокомандующего), и целью всех моих действий будет способствовать исполнению его в том виде, в котором его предначертал генерал-адъютант Тотлебен”. Однако чересчур выжидательные действия Тотлебена не могли удовлетворить Скобелева. В одном из писем он называет Тотлебена первостепенным авторитетом, но тут же выражает свое несогласие с ним. Скобелев, в свою очередь, стоит за постепенность и осторожность в действиях, но не доходит до тех крайностей выжидания, к которым способна лишь терпеливая немецкая натура и которые не соответствуют духу русского воина, от генерала до солдата. Он предлагает энергичные меры и иногда изумляет Тотлебена неожиданным устройством траншей или внезапной, смелой атакой. Тотлебен едва успевает запретить ему повторение подобных нападений. Получив начальство над 16-й дивизией, которая приобрела имя Скобелевской, Михаил Дмитриевич искусно приближается к неприятелю, роясь, как крот, на Зеленых горах, и 6 ноября получает впервые в траншеях две контузии – одну сильную осколком гранаты. Целый день пролежал Скобелев в полусознательном состоянии. По мнению д-ра Алышевского (пользовавшего Скобелева в последнее время его жизни в Петербурге), эта контузия положила начало болезни сердца и имела некоторое отношение к внезапной смерти Скобелева.

Об этих событиях Тотлебен пишет настолько характеристично, что не мешает привести его показания целиком:

“Я приказал, – говорит Тотлебен, – занять первый гребень Зеленых гор. Отрядом командует генерал Скобелев, герой, какого редко встретить, *mais un homme sans foi, ni loi* (но человек без веры и закона)”.

Здесь невольно является вопрос, чем обуславливается такой резкий приговор Тотлебена над человеком, которому он же удивлялся во многих отношениях? Кроме несходства натур, тут могла быть и другая причина: Скобелев не особенно охотно выполнял некоторые распоряжения Тотлебена и часто действовал по своему усмотрению. Удивляться тут нечему, так как сам Скобелев сплошь и рядом предоставлял своим подчиненным такую же самостоятельность, если только знал, что имеет дело с людьми, на которых можно положиться. Далее Тотлебен повествует:

“Пункт этот очень важен для турок. Они оказали упорное сопротивление... Пули, казалось, выбрасывались машинами. Несмотря на это гребень занят и укреплен. Турки также укрепились в двухстах шагах и несколько раз были выбиты штыками... Скобелев дважды контужен и должен полежать... Я положительно воздерживаюсь от штурма. Голод принудит к сдаче. Надо иметь терпение, как в германской армии под Мецом и Парижем”.

Едва оправившись от контузии, Скобелев участвовал в окончательной развязке плевненского сидения. С половины ноября положение турок в Плевне стало критическим. Сообщение было для них всюду отрезано, продовольствие и фураж истощились, санитарные условия были ужасны. 19 ноября Осман-паша собрал военный совет и предложил вопрос: сдаться или пробиться? Единогласный ответ был – пробиться.

27 ноября Скобелев лично привел к Тотлебену перебежчиков, сообщивших сведения о приготовлениях Османа-паши к последней отчаянной вылазке. В штабе закипела работа.

На следующий день Скобелев занял оставленные турками Крышинские редуты; это позволило Тотлебену приказать всем войскам на правом берегу реки Вид перейти в наступление. Между тем уже слышалась перестрелка Османа-паши с отрядом Ганецкого.

Занятие Крышинских редутов было делом личной инициативы Скобелева на основании сведений, добытых в то время подполковником Куропаткиным с помощью перебежчиков и охотников; оно в высшей степени облегчило задачу Тотлебена. Что касается бомбардировки, которой приписывали большое значение, она была неудачной: по взятии Плевны оказалось, что наши снаряды почти не разрывались.

Окончательно ослабленная армия Османа-паши была отброшена за реку Вид, сам Осман-паша ранен и сдался со своей армией.

По признанию почти всех наших и европейских авторитетов,

взятие Плевны решило участь кампании. Так, конечно, думал и Тотлебен, но тем не менее он продолжал требовать методической войны! Если бы этому совету последовали и вздумали, как требовал Тотлебен, осаждать. Рушук, то война, вероятно, затянулась бы года на два, а на самом деле в короткое время последовал ряд наших удач на Шипке, в Адрианополе и почти у ворот Константинополя.

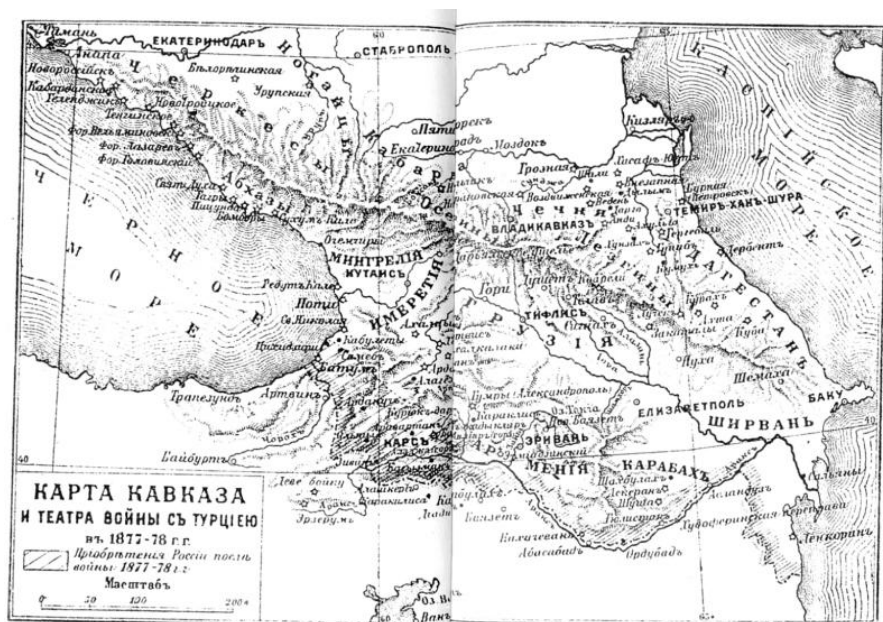
Не мешает заметить, что Тотлебен с начала до конца не сочувствовал самой войне, считая ее бесцельной. В этом отношении он стоял совершенно на точке зрения тогдашней либеральной русской печати с “Голосом” и “Вестником Европы” во главе. Вот что писал Тотлебен тотчас вслед за падением Плевны:

“Мы вовлечены в войну мечтаниями наших панславистов и интригами англичан. Освобождение христиан – химера. Болгары живут здесь зажиточнее и счастливее, чем наши русские крестьяне. Их задушевное желание – чтобы их освободители по возможности скорее покинули страну”.

Этим окончательно дополняется контраст со Скобелевым, который боролся за идею, вполне разделяя по славянскому вопросу мысли и чувства Ивана Аксакова. Относительно недружелюбных чувств к нам болгар он нисколько не заблуждался, но прощал их. Один из сподвижников Скобелева, описывая враждебное настроение населения Ловчи после ее второго занятия нашими войсками, прямо говорит, что ни Скобелев, ни его подчиненные не винили болгар, отлично понимая, что они потерпели вдвойне: и от турецких пашей, и от самой войны, начатой за их освобождение, особенно потому, что она велась с переменным успехом.

Сухие, но документальные записки Тотлебена прекрасно дополняются наивным рассказом ординарца Скобелева, Дукмасова. Он трогательно описывает тяжелую жизнь в траншеях и те развлечения, которые порою устраивал Скобелев солдатам, то заставляя музыкантов играть веселую музыку, то устраивая иллюминации. Одна из таких иллюминаций была придумана им не только для потехи. В лагерь Скобелева пришла весть о наших успехах на азиатском театре войны и о взятии Карса. Скобелев тотчас оценил значение этого события и для нас, и для турок. Зная, что Осман-паша отрезан от всего мира, Скобелев вздумал поделиться с турками этою новостью с целью окончательно обескуражить защитников Плевны. Он приказал сделать огромный транспарант из сшитых попон, посередине которого вырезано было по-турецки два слова: “Карс взят”. Вечером транспарант этот был выставлен в передовой траншее и освещен

тридцатью фонарями. Картина получилась эффектная. Даже выстрелы со стороны турок прекратились – турки любовались иллюминацией. Но вдруг, разобрав в чем дело, они открыли ожесточенный ружейный и даже артиллерийский огонь. Впоследствии оказалось, что турки действительно сильно пали духом от этого известия.

Карта Кавказа и театра войны с Турцией в 1877-78 гг.

М. Т. Лорис-Меликов

По поводу контузий, полученных Скобелевым, Дукмасов сообщает любопытные подробности относительно суеверия Скобелева, его известного пристрастия к белому цвету и антипатии к черному. Раз при обходе траншей Скобелев обратился к офицерам:

– А меня, господа, можете поздравить с обновкой: отец прислал мне прекрасный полушубок с наставлением, чтобы я непременно носил его. Но мне что-то он не нравится, главное потому, что черный...

Как нарочно, через несколько дней после этого он был контужен пулей, впрочем слегка.

Скобелев так часто становился на банкет, что Куропаткин наконец подговорил офицеров устроить так, чтобы генерал перестал рисковать жизнью. По уговору, как только Скобелев со дна рва поднялся на банкет, все тотчас же влезли туда. Скобелев

удивленно посмотрел на офицеров и, не говоря ни слова, слез с банкета. Через несколько шагов он не выдержал, опять взобрался и стал смотреть. Все делают то же.

– Да чего вы торчите здесь? Сойдите вниз! – недовольным голосом сказал Скобелев.

— Мы обязаны брать пример с начальства, – иронически заметил Куропаткин.

Это повлияло. Скобелев молча пожал плечами, соскочил в ров и пошел дальше.

Вторая контузия в спину была значительно серьезнее. Когда Скобелев лежал больной в болгарской хате, трудно было удержать посетителей, ежеминутно его навещавших. Несмотря на сильные страдания, Скобелев все время шутил, полусерьезно обвиняя во всем зловещий полушубок. В числе посетителей были и великий князь, главнокомандующий, и отец Скобелева.

Великий князь Николай Николаевич

Михаил Дмитриевич воспользовался, по его собственным словам, “размягчением родительского сердца” и взял слово с

“папаши”, что последний непременно придет для всей его дивизии десять тысяч полушубков.

– Ты запиши за мной, – сказал он отцу, – а потом я тебе возвращу эти деньги.

Скобелев потом лукаво признавался, что и не подумает возвратить, и говорил: “Да у него денег тьма-тьмущая, на что ему? У него только трудно выпросить. Вот, значит, и контузия не прошла без пользы”.

Действительно, полушубки были получены и розданы солдатам к их великому удовольствию.

Несмотря на контузию, Скобелев фактически продолжал распоряжаться всеми делами своего отряда. Здоровье Скобелева быстро поправлялось: через неделю он снова сидел на своем боевом коне. Популярность его росла с каждым днем; о нем уже слагались легенды, что он заколдованный, что от него отскакивают пули. Любопытно, что это рассказывали и этому верили солдаты его же отряда, видевшие его больным от контузии.

Случались и комические эпизоды, из которых один был вызван нелюбовью Скобелева к немцам; этой антипатии Скобелев как человек прямой никогда не скрывал даже перед высокопоставленными лицами. Приехал какой-то немецкий принц, прося показать ему укрепления на Зеленых горах. Скобелев согласился, но попросил Дукмасова “показать так, что у них (то есть немцев) не явится более охоты осматривать”. Дукмасов исполнил добросовестно это приказание, и бедный принц был рад, что ушел живой.

Не менее курьезны были сцены с денщиками Скобелева и с его поваром. Как бы для контраста с собою Скобелев выбрал в денщики великого труса, который страшно кривлялся, слыша свист пуль, что крайне потешало Скобелева. Повар у него был, конечно, француз, постоянно жаловавшийся, что пули пробивают у него кастрюли, и заявлявший: “Je suis citoyen, mais pas soldat” (“Я – гражданин, а не воин”). Однажды Скобелев, наскучив жалобами, хотел его выгнать, но по чьему-то совету дал “храброму гражданину” бутылку красного вина, и тот сейчас же успокоился.

После взятия Плевны комендантом ее был назначен Скобелев, который пригласил к себе в Брестовац начальника штаба Османа, Тевфика-пашу, довольно хорошо говорившего по-французски. Из разговоров Тевфика как нельзя лучше выяснилось, что взятые Скобелевым редуты были самые важные.

Скобелев употребил энергичные усилия, чтобы скорее освободить город от трупов, перевезти больных и раненых,

очистить дома, представлявшие настоящие клоаки. Сотни каруц (телег) то и дело разъезжали по городу и нагружались трупами. Все это вывозилось за город и зарывалось в глубокие ямы. Скобелев оказался искусным администратором. Он лично осматривал все, по целым дням разъезжая верхом по городу. Комендантская обязанность, однако, тяготила его. Скобелева тянуло снова в бой, на Шипку, где Радецкий был осажден турками почти так же, как турки – нашими войсками в Плевне. Скобелев постоянно созывал командиров, от полковых до ротных, заботясь о снабжении людей всем необходимым для предстоящего зимнего похода через Балканы, причем обращал внимание на кажущиеся мелочи, вроде состояния солдатской обуви, чрезвычайно важные в походе.

Взятою в плен армией Османа распорядился отец Скобелева.

5 декабря выпал первый снег. В этот день Михаил Дмитриевич уехал в главную квартиру и вернулся довольный и счастливый.

– Ну, господа, – сказал он, – привез радостные вести: послезавтра выступаем на Шипку.

В штабе закипела работа, в полках энергично готовились. Люди Скобелева были отлично снабжены, особенно по сравнению с другими дивизиями, не считая гвардейцев. Полушубки, даже табак и чай были в изобилии, а в других дивизиях даже офицеры часто вовсе не имели теплой одежды!

Скобелев был необычайно весел. “Слава Богу, мы покидаем эту проклятую Плевну”, – говорил он. Только проезжая мимо редутов своего полка, он снял шапку, перекрестился и прослезился.

Скобелев был прав, спеша на выручку отряду Радецкого, осажденному турками на Шипке. Положение этого отряда становилось в полном смысле слова критическим, несмотря на неудачные действия Сулеймана-паши, который дробил свои силы, то бросаясь на выручку Плевны, то атакуя тот или другой из наших отрядов.

5 декабря на Шипке начались сильные морозы с метелями. 13 декабря было уже больных 90 офицеров и 8968 нижних чинов. Полковник Духонин пишет: “Солдат изображает сплошную ледяную кору; башлыков развязать нельзя”. 17 декабря поднялся страшный ураган, чуть не погубивший все. Радецкий, все еще крепившийся, теперь сам отдает Скобелеву приказ выступить из Сельви. Скобелев отлично подготовил свой отряд к трудному походу и сравнительно легко перешел Балканы, занял Иметли и укрепился (20 декабря).

Генерал-адъютант Ф. Ф. Радецкий

23 декабря Скобелев, снесшись с Радецким, движется на селение Шипку. Инициатива атаки с фланга и с тыла была вполне предоставлена Скобелеву. Одновременно с его отрядом выступил и Святополк-Мирский; путь его был значительно легче, а потому он опередил Скобелева.

26 декабря Скобелев послал донесение: “Завтра атакую Шипку с теми силами, которые могу собрать. Если бы Мирский атаковал раньше, то поддержу его всеми силами”.

Мирский действительно начал атаку раньше Скобелева. Скобелев, не имея телеграфных сношений с Мирским, ничего не знал, что тот делает. Мирский тревожится, доносит, что не может более держаться, и, в свою очередь, ничего не знает о Скобелеве. Конечно, телеграф можно было бы заменить сигналами, но – увы! – ни Мирский, ни Скобелев не могли добиться, чтобы им дали гелиографы, лежавшие где-то в складах!

Как только началась атака Мирского, Радецкий решил ударить туркам во фронт. Атака эта могла бы иметь гибельные

последствия для изнемогшего отряда, если бы наконец не подоспели войска Скобелева, атаковавшие шейновский лагерь в 11 часов утра 28 числа. Эта атака была необычайно стремительна и настолько решительна, что и Мирский, и Радецкий тотчас почувствовали значительное облегчение, так как главные силы турок перешли от наступления к обороне. В короткое время участь турецкого отряда была решена, и на кургане появился белый флаг. Начальник турецкой армии Вессель-паша сдался в плен Скобелеву. В этом сражении были взяты в плен 41 табор турецкой пехоты и 93 орудия. Общая потеря с нашей стороны превысила 5 тысяч человек, в том числе отряд Скобелева потерял менее полутора тысяч.

Это краткое описание последнего боя на Шипке показывает, что хотя честь боя не принадлежала исключительно Скобелеву, но решительный удар был, без сомнения, нанесен им. В этом смысле поняли сражение и в главной квартире. Но, как всегда бывает в таких случаях, тотчас всплыли на поверхность разные мелкие и крупные самолюбия. Мнения тут расходятся. Верещагин утверждает, например, что Скобелев хотел послать с донесением своего начальника штаба Келлера (Куропаткин был еще раньше ранен), но боялся, что этот офицер всю честь дела припишет Скобелеву, чего именно не хотел. Выбрали С., офицера генерального штаба при отряде Мирского, более других восставшего против Скобелева. Скалой, сам недолголюбивающий Скобелева, сказал С.: “Смотрите, батюшка, каждое слово вашего доклада будет известно великому князю”. С. протестовал против обвинений в пристрастии, но Скобелев получил за эту блистательную победу ничтожную награду много спустя и огорчился.

Этот С. (его полная фамилия Соболев) и напечатал подробное опровержение показаний Верещагина. Из опровержения видно, что Соболев если не был, то старался быть беспристрастным. По его словам, перед отъездом он посетил Скобелева и просил составить подробное описание его действий с планом. Скобелев усидчиво работал и составил требуемое, но на словах прибавил (они были на “ты” с Соболевым):

– Я желаю, чтобы ты передал государю, что я, понимаешь, я, взял в плен армию Весселя-паши.

На это Соболев возразил: “Никак не скажу, потому что это неправда”, и, когда Скобелев вспыхнул, рассказчик пояснил, что главная честь принадлежит Радецкому, который держался столько месяцев, и Мирскому, который выдержал первый удар. Скобелев на это ответил: “Ты совершенно прав, и я с тобою согласен”.

Так или иначе, но Соболев вполне убежден, что атака турецкой армии в “лоб” Радецким и действия Мирского решили участь дела. В этом смысле он и доложил, и, по его же словам, государь, имевший частные сведения об этой битве, два раза переспросил: “Так Мирский дрался целый день 27 и утро 28 числа?”

Посмотрим, как описывают этот бой очевидцы, причем оставим в стороне вопрос о заслугах Радецкого и Мирского не потому, чтобы мы их не признавали, а по той причине, что речь идет исключительно о характеристике Скобелева.

По прибытии в Габрово Скобелев был подчинен Радецкому. В Габрово Скобелев устроил своему отряду передышку на четыре дня, а тем временем он сам, с двумя только ординарцами, съездил на гору святого Николая к Радецкому, рискуя по пути попасть в плен к туркам.

Возвратившись, Скобелев сообщил войскам план действий, выработанный им по соглашению с Радецким. План состоял в том, чтобы Радецкий держался оборонительно, активная же роль выпала на долю Скобелева и Мирского. По возвращении в Габрово Скобелев обратил особенное внимание на выюки. О повозках не могло быть и речи, так как пути, по которым пришлось двигаться его отряду, наступавшему с запада, едва доступны зимой для человека. Для батарей Скобелев приказал приготовить сани – на колесах тащить орудия было невозможно. Патроны, сухари – все было помещено на выюках. Много помогли беспечность турок и их вера в неодолимость такой преграды, как Балканы в зимнее время. Но Скобелев помнил слова Наполеона: “Где пройдет один солдат, там пройдет и целая армия”. Пример Гурко едва ли был убедителен: первый переход Гурко произошел в теплое время года.

Настроение войск было превосходное. По словам одного очевидца: “Мы все твердо были убеждены, что со Скобелевым никогда не проиграем дела”. Много способствовали воодушевлению бывшие в войске болгарские ополченцы, особенно известный болгарский писатель Славейков, потерявший семью от турецких насилий и одушевленный фанатической враждой к турецкому игу. В день Рождества штаб Скобелева был с утра на ногах. Скобелев вышел из избы и весело поздоровался с офицерами.

– Вам предстоит, господа, тяжелая работа, – сказал он. – Пожалуйста, приложите побольше энергии и труда. Раз мы победим здесь, нам, вероятно, не встретится уже препятствий – и мы легко зайдем Адрианополь, даже Константинополь.

Затем, по своему обыкновению, Скобелев стал давать

подробные инструкции и объяснять значение своих приказаний. Вперед всех он послал уральцев и болгарина Славейкова. Переход был необычайно труден. Некоторые казаки, спешившись, хватались за хвосты лошадей, которые тащили людей. В лощинах лошади иногда проваливались по самое брюхо. Скобелев пропустил мимо себя весь отряд, ободряя всех и высказывая уверенность в победе. Наконец прискакал гонец и сообщил, что деревня Зелено Дерево занята без боя и что турки все еще не замечают движения.

Скобелев велел немедленно занять Марковы столбы. Через некоторое время послышались орудийные выстрелы; в турецком лагере был замечен переполох. При первых выстрелах Скобелев мчался уже вперед, обгоняя один полк за другим. Позиции турок, а также наши укрепления на Шипке были видны ясно.

– Поезжайте назад, – сказал Скобелев одному сотнику, – и приведите горную батарею, хоть два орудия. Нужно открыть огонь.

Между тем темнело. Войска проползли около десяти верст по колено в снегу и буквально выбились из сил. Скобелев, видя их утомление, остановил отряд на ночлег. Он лично осмотрел окрестности и отыскал глубокую долину, которая пересекалась от турок большим лесом. Здесь был устроен бивуак и разведены костры.

Утром двинулись в путь по узкой тропинке. Иногда приходилось карабкаться, многие скатывались вниз и погибали. Сам Скобелев поехал вперед на Марковы столбы. Тут уж сходить было немыслимо; просто скатывались, упираясь ружьем и цепляясь за кусты. Осмотрев местность, Скобелев велел казанцам решительно выступить в долину Тунджи. Положение этого передового отряда стало критическим.

– В таком случае, – сказал Скобелев Дукмасову, – ведите меня туда.

Поехали. Один из оставшихся со Скобелевым казаков был убит. Генералу посоветовали спешиться.

– Что вы глупости говорите, поезжайте скорее вперед! – ответил он с досадой.

Доехали до нашей позиции. Солдаты лежали за кустами, стреляя испуганно, безучастно.

Скобелев поздоровался с ними; к удивлению, они не отвечали. Скобелев немного смутился, но тотчас овладел собою, сильно прищипорил коня и въехал в самую середину оробевшего батальона.

– Здорово, братцы! – крикнул он таким звучным голосом, что несколько десятков солдат ответили на приветствие.

– Охотники, ко мне! – крикнул снова Скобелев.

Человек двадцать медленно подошли, переглядываясь. Турки участили огонь.

Скобелев приказал Дукмасову взять этих двадцать человек и во что бы то ни стало отбросить левый фланг наступавших турок. Движение было исполнено так удачно, что ошеломленные турки отступили. Как раз в это время в свите Скобелева несколько человек было убито, а Куропаткин ранен.

Куропаткин был правою рукою Скобелева. Отличаясь спокойствием и изумительным хладнокровием, он был отличнейшим товарищем пылкого, увлекающегося Скобелева. Полученная им рана сильно опечалила Скобелева.

Спуск с гор продолжался весь вечер и даже до глубокой ночи. 27 декабря рано утром все вскочили, Скобелев велел заменить усталых казанцев. Вдруг послышалась стрельба. Оказалось, что стреляли турки из траншеи, которую Скобелев велел занять ночью сотнику Харапову и которая, как донес сотник, была занята. Скобелев страшно рассердился, призвал Харапова и начал его распекать. Оказалось, что Харапов в темноте попал совсем на другую горку.

– Черт знает что такое! – еще раз выругался Скобелев и поскакал сам к тому месту так быстро, что за ним никто не мог поспеть. Он возвратился обратно в сильнейшем гневе.

– Поезжайте, – закричал он, обращаясь ко всем, – возьмите сейчас полуроту и выбейте турок с этой горы!

Дукмасов вызвался, взял первую попавшуюся полуроту, хотя ею и не командовал, и выбил турок.

Скобелев наградил его пожатием руки.

С утра послышалась канонада. Было ясно, что это действует отряд Мирского.

– Несомненно, это Мирский, – говорил несколько раз Скобелев в сильном волнении. – Необходимо поддержать его. Как долго стягиваются полки! Торопите их, пожалуйста!

Только к вечеру половина отряда вошла в долину. Скобелев немедленно двинул ее на Шейново. Когда стало совсем темно, Скобелев велел торжественно играть зорю и развести массу костров. Целью было обмануть турок относительно силы отряда и отвлечь их от Мирского. Хитрость достигла результата: масса турецкой кавалерии двинулась к Иметли.

Поздно вечером Скобелев послал Дукмасова на гору св. Николая к Радецкому.

Радецкий сказал, что Мирский донес о своем критическом положении и просит непременно поддержки. Чтобы поддержать Мирского, Радецкий без всякой надежды на успех атаковал

неприятеля и потерял своих лучших солдат: особенно пострадал Подольский полк под начальством храброго Духонина. Не будь, однако, этой атаки, Мирский был бы разбит окончательно наступающими 35 таборами турок.

Получив рано утром известие от Радецкого, Скобелев тотчас же завязал бой. Первая атака (угличан и болгарского ополчения) была неудачна, но Скобелев весьма искусно двинул резервы, и тут же кстати прибыла данная в его распоряжение кавалерийская дивизия Дохтурова.

Скобелев внимательно следил за картиной боя. Глаза его блеснули, руки нервно подергивали повод. По его приказанию Дохтуров тотчас вошел в связь с отрядом Мирского. Тогда была начата настоящая атака.

Четыре батальона с распущенными знаменами и музыкой двинулись вперед. Этот вид стройно двигавшихся под музыку, точно на параде, батальонов навел на турок панику. Бросив орудия, снаряды, лагерь, они бежали на Казанлык, но тут их встретила кавалерия Дохтурова. Целые таборы стали бросать оружие и знамена. Скобелев только что выехал из леса на поляну перед батальоном, который он лично вел в атаку, как вдруг его догнал сотник Харапов, издали махавший шапкой.

– Что он, сдурел, что ли? – сказал Скобелев.

– Ваше превосходительство, на главном кургане турки выкинули белый флаг.

Стрельба прекратилась. Скобелев послал к Весселю-паше узнать об условиях сдачи. Паша сначала пожелал узнать, какой чин у Скобелева. Когда ему сказали, что генерал-лейтенант, тогда только согласился на сдачу. Скобелев улыбнулся и послал предложить сдачу также тем войскам, которые еще действовали против Радецкого. Турецкий полковник отказался сдаться. Тогда Скобелев велел всем войскам с музыкой двинуться к Шипке и вторично послал генерала Столетова, предупреждая, что беспощадно разгромит остатки турецкой армии с двух сторон. Вместе с тем была послана шашка Весселя-паши для лучшего убеждения. Тогда и над грозными турецкими укреплениями появился белый флаг.

После битвы Скобелев объехал войска на своем красивом белом коне, благодаря всех.

Несомненно, что Скобелев, по выражению Дукмасова, “был поэтом войны”. Он умел самый кровавый момент боя – атаку или штурм – облечь в красивую форму: знамена, музыка, барабаны. Его обвиняли в актерстве, но он лучше понимал психологию масс и помнил наставления Наполеона, действовавшего таким же образом.

В день Нового года отряд Скобелева двинулся дальше, к Адрианополю.

Как известно, после падения Плевны Гурко, начальствуя западным отрядом, в свою очередь, перешел Балканы с неимоверными жертвами, одержал несколько побед, завладел Софией и, разгромив Сулеймана-пашу, двигался на соединение со Скобелевым. Остатки армии Сулеймана спешили в Адрианополь. Было чрезвычайно важно предупредить их, иначе турки могли там создать новую Плевну.

Впереди отряда был послан Струков с донскими казаками, забиравшими железнодорожные станции. В Тырново-Сейменли Струков захватил мост через реку Марицу. Скобелев, весьма довольный этим делом и взятием шести крупновских пушек, предложил поужинать на турецком вокзале и на славу угостил офицеров.

В это самое время подле Хаскиойя произошла кровавая драма, сильно расстроившая Скобелева. Наши войска встретились с остатками армии Сулеймана-паши, прикрывавшими посланный пашою обоз жителей, спасавшихся от войск Гурко.

По словам Верещагина, Скобелеву не давала покоя мысль окончательно раздавить и, если можно, взять в плен армию Сулеймана, то есть довершить дело Гурко. Скобелев ошибся в том отношении, что считал разбитые полчища Сулеймана сильнее, чем они были на самом деле. Скобелев пресерьезно утверждал, что Сулейман даст ему битву под Хаскиойем. Посланный вперед П. донес, что имеет дело с передовыми таборами Сулеймана; на самом деле, как оказалось, это были нестройные ватаги солдат, прикрывавших обоз турецких эмигрантов. В свою очередь, командир одного Донского полка подтвердил, “что неприятель наступает”. “Хорошо, – сказал Скобелев, – принимайте бой!” Перестрелка тотчас началась, раздались крики “ура!”, затем отчаянные вопли со стороны турок. Оказалось, что П., плохо разобрав неприятеля, поднял на штыки обоз, причем было убито множество мирных жителей, в том числе несколько женщин и детей!

Когда Скобелев узнал об этой ошибке, он пришел в ужас и бешенство. Он обвинял всех – П., казаков, самого себя. Сообщая об этом прискорбном событии, Верещагин поясняет, что на следующий день Скобелев издал строжайший приказ по войскам, в котором буквально разнес всех. Не мешает добавить, со слов другого очевидца, черту, характеризующую русского солдата. Когда ошибка обнаружилась и П. остановил атаку, солдаты сами бросились на помощь бежавшим в паническом страхе и попадавшим под лошадей женщинам и детям, стали собирать

детей и отыскивать их матерей.

Дорога в Адрианополь оказалась почти открытой. Только у Мухтара-паши турки пытались в последний раз преградить ее, но ушли, взорвав загородный дворец, причем погибли чудные лазуревые залы и другие памятники искусства.

Вступление отряда Скобелева в Адрианополь имело торжественный и театральный характер. Главные орации выпали, впрочем, на долю авангарда Струкова: все христианское население города вышло ему навстречу. Когда явился Скобелев с главными силами, орации повторились, хотя энтузиазм, конечно, уже ослабел.

По словам Верещагина, Скобелев въехал в Адрианополь к вечеру. На вокзале железной дороги его встретили раньше прибывшие генералы и офицеры и большой кавалькадой проводили в конак (дворец). Из всех домов выглядывали женские лица, преимущественно гречанок; некоторые были поразительной красоты. Как известно, Скобелев был даже слишком чувствителен к такого рода зрелищам. Следовавший за ним художник не без иронии командовал (вероятно, вполголоса): “Глаза направо, глаза налево!” Скобелев действительно впивался глазами в красавиц, провожавших его взорами. Это поэтическое описание Верещагин дополняет весьма непоэтической картиной, в которой изображает Скобелева легкомысленным, а самого себя кровожадным. Дело в том, что еще раньше, прибыв со Струковым, художник просил этого генерала непременно повесить двух захваченных подле Адрианополя албанских разбойников, вместе связанных и подвергавшихся проклятиям толпы. Струков, удивленный такой просьбой, сказал: “Однако, Василий Васильевич, откуда в вас столько кровожадности, я не знал этого за вами”. Верещагин поясняет, что он хотел видеть сцену повешения из “любопытства”, как художник!

К сожалению, этот эпизод опоздал на столетие. Всем известно, что Державин велел повесить двух пугачевцев “ради поэтического любопытства” и что Пушкин заклеил этот поступок. По всей вероятности, В. В. Верещагин в этом, как и во многих других случаях, просто пересаливает. Очень возможно, что на него просто заразительно подействовала ярость населения против разбойников.

Так или иначе, но, получив отказ от Струкова, художник пристал с тою же просьбою к Скобелеву. Скобелев, как видно, занятый другими мыслями, ответил: “Что ж, это можно”, – и велел тотчас учредить полевой суд, причем добавил: “Да смотрите, чтобы их повесить”. Но когда на другой день Верещагин явился в тюрьму, надеясь увидеть экзекуцию, он был

“разочарован”: оказалось, что по просьбе Струкова Скобелев не подписал приговора, и албанцы остались живы. Обманутый художник написал их связанными.

Мы привели этот рассказ, выставляющий самого Верещагина в некрасивом свете, единственно с целью показать, что его “Воспоминания”, несправедливые к самому автору, могут быть иногда несправедливы и к другим лицам.

Пребывание в Адрианополе и затем в Чаталдже и Сан-Стефано было для большинства офицеров, сопровождавших Скобелева, приятным отдыхом после трудного похода. Что касается самого Скобелева, он здесь в одно и то же время веселился и скучал. Веселился, чтобы убить время, и скучал, потому что жаждал двинуться на Константинополь. Свое время он делил между военными планами и соображениями, административными распоряжениями и кутежами, шалостями и дурачествами, далеко не соответствовавшими его положению и достигнутой им громкой славе.

С другой стороны, скорее в похвалу Скобелеву следует сказать, что его отношения к окружающим были скорее товарищеские, чем начальнические. Он был вспыльчив и в минуту гнева способен разнести подчиненного, но это сейчас проходило, и если Скобелев хоть сколько-нибудь чувствовал себя неправым, то сам просил извинения за свою горячность.

При случаях Скобелев выказывал себя “кровным аристократом”.

Желая выразить симпатии победителям, а может быть и с другими целями, иностранные консулы в Адрианополе устроили бал. Скобелев выразил полное согласие и даже предложил для танцев большую залу в занимаемом им конаке. Зала была прекрасно декорирована под наблюдением самого Скобелева. Устроили дамскую уборную, неизбежные кабинеты с зелеными столиками и буфет. Офицеры в боевых и походных, пропитанных порохом костюмах, иногда даже в поношенных сапогах наполнили залу. Только один Скобелев, раздушенный и безукоризненно одетый, представлял резкий контраст с другими военными. Не мешает заметить, что Скобелев даже перед битвой всегда употреблял лучшие английские духи. Однажды ему был прислан ящик от матери с надписью: “Весьма нужное”. На границе румыны вскрыли ящик, с любопытством заглянули и немало изумились, найдя целую батарею... флаконов с духами.

На балу Скобелев был, разумеется, героем дня. Когда в уборной собрались дамы, преимущественно гречанки и армянки, также несколько француженок и болгарок, музыка грянула марш, и дамы в бальных костюмах торжественно вошли в зал. Скобелев

с неизменной улыбкой рассматривал местных красавиц и потом в разговорах с адъютантами подробно критиковал их, считая себя в этом деле не меньшим знатоком, чем в военных операциях.

Через несколько дней после этого бала Скобелев, ожидая Гурко, очистил для последнего конак, а сам со штабом перешел в дом, принадлежавший какому-то паше.

Отдохнув в Адрианополе, отряд Скобелева должен был наконец двинуться к Константинополю. Скобелев, давно ждавший из главной квартиры этого распоряжения, немедленно двинулся форсированным маршем на берег Мраморного моря. Хотя пехота и артиллерия шли почти по пятам конницы, Скобелев все торопил; в Люли-Бургасе было, однако, приказано остановиться: здесь должна была пройти демаркационная линия на время перемирия. В Чаталдже Скобелев объявил войскам о перемирии. Только благодаря его энергии была поразительно быстро захвачена такая огромная часть турецкой территории. Полоса земли между реками Карасу и Тагалы-Дере должна была оставаться нейтральной. Но турки не выполняли условий, и за рекой Карасу постоянно появлялись красные фески. Скобелева это бесило. Дня три по приезде он решил ехать сам на турецкую позицию. В сопровождении свиты проехав верст пять, Скобелеву вдруг пришла фантазия свернуть направо, и он поскакал к большому редуту. Из-за насыпи выглядывали два огромных турецких орудия. Спустились к реке. Переехать вброд никто не решался, так как берег был болотист.

– Черт знает что такое! – сказал Скобелев. – Господа, отыщите брод!

Некоторые попробовали было, но лошади грузли.

— Невозможно, – сказал кто-то.

– Вы – бабы, а не офицеры! – закричал Скобелев и решительно погнал коня в болото. Лошадь упрячилась. Скобелев вспылil, вонзил шпоры, лошадь рванулась и, провалившись в грязь, упала на бок с седоком. Скобелева вытащили сильно сконфуженного, он даже не дал обчистить себя и поскакал вдоль реки, продолжая браниться. Между тем один казачий сотник немного подальше переплыл реку на коне. Скобелев поскакал туда, все последовали за ним, хотя промокли до костей.

Таким образом он со свитой очутился на нейтральной полосе. Несколько турок, бывших тут же, пустились удирать. Скобелев велел казакам догнать их. Турки были пойманы, и генерал велел через переводчика сказать им:

– Передайте своим пашам, что если еще будет нарушено условие, то я со своими войсками немедленно займу все эти редуты.

Отпустив перепуганных турок, Скобелев стал внимательно осматривать весьма сильные редуты и заметил:

– Хорошо, что мы так близко! В случае неприятельского действия мы успеем раньше турок захватить эти редуты.

Не останавливаясь здесь, Скобелев поскакал в город Беюк-Чекмендже, где почти не оказалось жителей. Встретили какого-то грека, который пояснил, что турецкие власти напугали жителей, сказав, что русские будут бомбардировать.

Скобелев велел передать, что это чепуха и что никакого зла жителям не будет.

День закончился импровизированной Скобелевым скачкой: три версты он и его свита мчались вперегонку.

Так умел Скобелев соединять важные рекогносцировки с развлечениями. Для большего веселья из Сан-Стефано вскоре прибыли две хорошенькие француженки, распевавшие по вечерам пикантные шансонетки. За одну из этих певиц, m-lle Жеди, Скобелев стал сильно ухаживать.

11 февраля приехал в Чаталджу великий князь главнокомандующий. Вскоре после этого Скобелев уехал в Сан-Стефано, дачный городок, превратившийся в маленький Париж. Певицы, актрисы, разные девицы и дамы сомнительной нравственности наполняли кафе-шантаны и выпрашивали червонцы у русских офицеров. Немало швырял здесь деньгами и Скобелев.

По заключении мира Скобелев поселился в Сан-Стефано в том самом доме, где граф Н. П. Игнатьев подписал мирный договор, впоследствии уничтоженный берлинским трактатом.

В марте Скобелев в свите великого князя отправился с визитом к султану. Он остановился в английской гостинице, здесь он много беседовал с дипломатами, особенно с тогдашним первым драгоманом нашего посольства, г-ном Ону. Двор султана произвел на Скобелева приятное впечатление.

– Знаете ли, господа, – говорил он окружающим офицерам. – Я совсем другими представлял себе турок. Право, они выглядят молодцами. Прекрасно одеты, опрятны, в высшей степени любезны. Нас приняли так мило, радушно. Я очень ими доволен.

Вскоре после этого Скобелев узнал, что всем офицерам, которых он представил к Георгиевским крестам, награды эти были утверждены. По этому случаю он дал отличный обед новым кавалерам с лучшими винами. Стол был накрыт в том самом зале, где был подписан мир.

Приказом по армии Скобелев был назначен командиром 4-го корпуса. Штаб корпуса находился в селении св. Георгия, куда и переехали из Сан-Стефано. Впрочем, Скобелев перебрался вскоре

в лагерь. Несмотря на мирное время, Скобелев постоянно работал. Он хлопотал о пище, пополнении одежды войск, постоянно объезжал госпитали. Так как солдаты обносились, он отправил офицеров в Одессу для покупки сукна. Затем для всей 16-й дивизии он велел сделать вместо отвратительных кепи фуражки, которые носили раньше только в гвардии. Солдаты были вдвойне довольны – и по удобству, и по той причине, что вообразили, будто “скобелевских сравниют с гвардией”.

Когда среди солдат все-таки открылся тиф, Скобелев чуть не плакал. Он был раздражителен, нервен, бранил докторов.

Очень часто Скобелев помогал солдатам и офицерам прямо из своего кармана.

В Сан-Стефано офицерам жилось слишком весело. Скобелев хотя и сам был не прочь кутить, поспешил перевести войска в лагерь. Превосходный воздух, роскошная растительность и дивные окрестности – все это могло с лихвою заменить сан-стефанские попойки. Иногда, впрочем, офицеры компаниями ездили в Константинополь с единственной целью покутить.

Лагерные заботы сильно утомляли Скобелева. Иногда и он устраивал увеселительные поездки в Константинополь, Буюк-Дере и окрестности. Ездил он почти всегда вечером и пользовался поездкою с целью подробного осмотра местности на случай будущей войны.

Раз как-то Скобелев поехал в сопровождении трех офицеров и четырех казаков в Буюк-Дере, где имел дело в нашем посольстве. Поехали кратчайшим путем. Часов в шесть вечера, миновав сплошные сады фруктовых деревьев, въехали в Буюк-Дере, где остановились в лучшей французской гостинице. Хозяйка француженка, бойкая пикантная дамочка, очаровала всех и более всего Скобелева, который пригласил француженку обедать с ним и офицерами.

Скобелев вышел в залу в белом кителе, раздушенный, сияющий, усадил рядом с собою француженку и стал отчаянно за нею ухаживать. Вдруг ему пришла мысль выкинуть гусарское коленце. Подозвав одного из офицеров, он шепнул ему что-то на ухо. Тот улыбнулся и вышел.

Скобелев между тем завязал с француженкой разговор о России.

– А вот посмотрите на этого господина, – сказал вдруг Скобелев, указывая на Дукмасова, отличавшегося полуазиатскою наружностью. – Это казак самый настоящий. Он совершенный дикарь. Он ест человеческое мясо и сальные свечи!

Француженка сразу сделалась красна, с удивлением посмотрела на руки и на зубы казачьего офицера и наконец

сказал вполголоса, что он не имеет вида людоеда.

– Мы его приручили! – ответил Скобелев. – Увидите, с каким аппетитом он будет есть, вместо десерта, сальные свечи.

Через несколько минут вошли два лакея, из которых один подал казаку тарелку с парюю сальных свечей.

Француженка пришла в ужас; но когда Дукмасов стал преспокойно уписывать поданные свечи, с нею чуть не сделался обморок. Тогда только Скобелев не выдержал и объяснил, что свечи сделаны из сахара и сливок и заказаны у кондитера.

Такие шуточки были вполне в натуре Скобелева. Тотчас после этой выходки он заехал к Беккеру-паше, англичанину турецкой службы, и вел с ним серьезнейший политический разговор. После этой беседы Скобелеву вдруг пришла фантазия поехать в турецкий лагерь и попробовать, как едят турецкие солдаты. Подъехав к кухням, он, не торопясь, слез с коня и направился к котлам. Картина была забавная: турки просто ошалели. Скобелев, ничуть не смущаясь, взял ложку из рук ближайшего турецкого солдата, опустил в котел и попробовал. Мерзость оказалась невозможная. Скобелев пожал плечами и заметил: “Наши не стали бы есть... А между тем какой здесь все здоровый народ!”

Узнать, как ест солдат враждебной армии, было, конечно, делом серьезным. Но Скобелеву вздумалось порисоваться перед турками. Спросив, где ближайшая дорога в Константинополь, и получив ответ, он спросил, нельзя ли поехать через крутой спуск по тропинке. Турецкие офицеры сказали ему, что пробраться немыслимо. Скобелев велел Дукмасову ехать вперед, а сам последовал за ним.

Дорога оказалась ужасная, пришлось ехать над бездной. Никакой серьезной цели в этой поездке не могло быть; но Скобелев никогда не возвращался и не менял принятого решения. Кое-как ему и казачьему офицеру удалось добраться до Райской долины. Турки с изумлением смотрели на Скобелева: кажется, этого ему и хотелось.

Вскоре после этого Скобелев дал в Константинополе обед у консула русского посольства. На этом обеде он, между прочим, имел продолжительный разговор с драгоманом г-ном Ону, в котором выразил свои взгляды на исход турецкой войны, – взгляды, во многом напоминающие Аксакова и частью даже новейших эпигонов славянофильства.

– Да, дипломатия сделала большой промах, – говорил между прочим Скобелев. – Надо было настоять на том, чтобы русские войска хоть прошли через Константинополь, не занимая его. Этим наши труженики получили бы хотя бы некоторое удовлетворение. Теперь время какой-то полупобеды. Войска все чего-то ждут...

Чересчур уж гуманно. Вот немцы не поцеремонились с французами, с гуманной образованной нацией. Они еще раз доказали Европе, что смелостью, энергией, даже нахальством можно больше выиграть, чем с нашим великодушием!.. Вообще, если бы пришлось, то в отношении немцев я придерживался бы их же тактики; действовал бы без жалости... Мы видим благодарность за наш честный образ действий в 70-х годах! Нет, господа, как хотите, а я не верю в эту заигрывающую политику немцев!.. И нам давно следовало бы держаться такой же мудрой, хотя и эгоистичной, немецкой политики!

Здесь уже звучат все мотивы позднейших политических речей Скобелева, наделавших такого шума.

Дипломаты, слушавшие Скобелева, снисходительно улыбались.

Через несколько дней после этого Скобелев получил приятную телеграмму, что к нему приезжает из России его мать с бывшим его воспитателем, французом Жирандэ. Г-н Жирандэ выехал несколькими днями раньше Ольги Николаевны. Для него была разбита палатка рядом с палаткой Скобелева. Михаил Дмитриевич был очень рад приезду Жирандэ, стал расспрашивать его про новости из России и из Парижа.

В день полкового праздника Казанского полка Скобелев назначил смотр всему своему 4-му корпусу, на который пригласил также главнокомандующего турецкими войсками под Константинополем, Фуад-пашу. На этом смотре он произнес речь, в которой, очертив историю Казанского полка, сказал в заключение, что “если потребуются новые усилия, новые жертвы, то полк окажется на высоте своего призвания”. Речь эту сильно комментировали, хотя в ней не было ровно ничего, могущего задеть самолюбие турок: Скобелев был великодушен и умел щадить чувства побежденных. Речь не понравилась не столько туркам, сколько дипломатам. Турки даже ответили Скобелеву комплиментами в восточном вкусе, а русские солдаты на этом празднике самым дружелюбным образом пили водку с турками.

В августе гвардия стала уже отправляться на пароходах в Россию. Армия завидовала, но должна была ждать. Носились слухи, что скобелевский корпус остается на оккупацию и действительно ему велено было двинуться к Адрианополю. Начались приготовления. В отряде было немало случаев тифа и кровавого поноса. В период мира во многих отрядах умирало чуть не более, чем в походе; у Скобелева было немногим лучше.

Наконец приехала мать Скобелева. В то время это была женщина лет пятидесяти пяти, с темными, почти не тронутыми сединою волосами, с умным, энергичным и добрым лицом.

Любопытны некоторые ее разговоры с офицерами. Однажды ее спросили: правда ли, что ее сын еще ребенком терпеть не мог немцев?

– Да, – отвечала она. – Впрочем, тогда доставалось всем! Вот только monsieur Жирардэ мы и обязаны, что Миша стал сдерживать свою пылкую натуру. Он сумел привязать к себе ребенка, развил в нем честные инстинкты и вывел его на дорогу. Да, Миша был в детстве очень умным, бойким мальчиком, очень самостоятельным, любознательным и любил выводить свои решения.

В разговорах с матерью и с дипломатами Скобелев не раз бранил немцев. Бисмарка он называл “ловким” и отдавал ему должное, но все-таки считал немцев главными виновниками наших неудач.

Во время пребывания Ольги Николаевны со Скобелевым вышла неприятность. Как раз, когда он хотел посетить нового главнокомандующего, Тотлебена, он убедился, что его обокрали. Между прочим пропали крупные бриллианты с его шпаги. Скобелев пришел в состояние такого гнева, что грозил своему денщику, поляку Круковскому, ссылкой в Сибирь; денщик, человек горячий, с польским гонором, вспылil и сказал, что, “может быть, взял кто-либо из господ”. Такой поклеп на офицеров, окружавших Скобелева, до того вывел из себя Михаила Дмитриевича, что он вопреки всем своим принципам и привычкам ударил денщика, чего долго не мог простить себе. В конце концов оказалось, что денщик был прав – вором был один из ординарцев Скобелева.

Скобелев был глубоко огорчен этим происшествием. Он велел никому не называть вора.

– Губить его незначем. Он молод, может быть, исправится, – говорил Скобелев.

И в тот же день, не говоря никому ни слова, отчислил вора обратно в полк. Этим дело о покраже бриллиантов окончилось, и камни были вставлены новые.

Незадолго перед выступлением в Адрианополь офицеры собрались в день св. Георгия на обед к Скобелеву. Он успел уже забыть про бриллианты, был весел и разговорчив. Между прочим он говорил о том, что было бы, если бы турки внезапно напали на его отряд.

– Кто из вас, – обратился он к офицерам, – согласился бы тогда исполнить одно мое поручение отчаянного характера?

Глаза его блистали.

– Я думал, – сказал он, – кому бы поручить взорвать все ходы под нашей позицией, в случае если бы турки ею овладели.

В апреле 1879 года Скобелев был уже в Петербурге, где он жил на Моховой улице. Несколько позднее приехала из Болгарии и мать Скобелева.

Однажды завязался разговор о причинах наших неудач в Закаспийском крае. Некоторые из офицеров стали открыто говорить, что Скобелева следовало бы назначить начальником экспедиции. Мать Скобелева ухватила за эту мысль.

Лицо Михаила Дмитриевича стало вдруг пасмурно.

– О пустяках вы все толкуете. Никогда этого не будет!

И он, нахмурившись, стал быстро шагать, “как тигр в клетке”.

– Ну, а если вам предложат? – приставали к нему. – Возьмете нас?

– Ах, да отстаньте! Ну конечно, возьму.

Ольга Николаевна вскоре опять уехала в Болгарию, а Скобелев отправился в свой 4-й корпус, в город Минск.

Глава V

Ахалтекинская экспедиция. – Весть об убийстве матери Скобелева. – Штурм Геок-Тене

Ахалтекинская экспедиция была достойным завершением военной деятельности Скобелева. Мы уже заметили, что военный гений Скобелева мог бы развернуться вполне лишь в большой европейской войне. Но и в Средней Азии в борьбе с полудикими “халатниками” Скобелев показал, что человек с его способностями совершит завоевания там, где, казалось, экспедиция была заведомо обречена на неудачу. Старый кавказский офицер Арцишевский, очевидец событий, говорит по этому поводу, что весь успех дела зависит от умения подчинять своей воле и власти, своему обаянию, чем Скобелев обладал в высшей степени. “Меня всегда поражало одно, – замечает тот же офицер, – как Скобелев так глубоко, так верно знал дух своего солдата и подчиненных. Его проницательность доходила до смешного. Он знал, какая часть войска и когда обедала и могла обедать с особым аппетитом и во вкусе”. Чанцов замечает о той же экспедиции: “Тем более это было трудно, что два предшественника Скобелева – генерал Тергукасов и генерал Лазарев – не имели достаточно времени (?) установить надежно первые военные шаги наши в этом крае. Скобелеву пришлось все дело начинать сызнова”.

В марте 1880 года разнесся слух о назначении Скобелева начальником закаспийских войск. В начале апреля слух подтвердился, и на нашей среднеазиатской границе все стали готовиться к походу. Скобелев был еще в Петербурге, а весть о его назначении так успела повлиять на офицеров и солдат, что все заговорили: “Теперь побьем текинцев, возьмем Геок-Тепе”.

Слава Скобелева успела распространиться и в среде азиатских народов. Узнав о новом назначении, текинцы стали энергично укреплять Геок-Тепе и временно приостановили набеги.

В начале апреля Скобелев прислал телеграмму, велел закупать как можно больше верблюдов. Генерал медлил с отъездом, требуя подробного определения своих прав и полномочий. Прибыв в Тифлис, Скобелев получил подробные инструкции, в которых придуман план покорения Ахалтеке *в течение двух лет*. Скобелев покончил дело ровно в девять месяцев.

Прибыв в Закаспийский край, Скобелев, по своему обыкновению, начал с личной рекогносцировки края. Он

осмотрел даже Мангышлак, хотя эта местность и не входила в район его военных операций.

В биографическом отношении ахалтекинская экспедиция Скобелева особенно важна потому, что здесь он впервые выступил совершенно самостоятельным начальником. Энергия Скобелева тотчас дала о себе знать. 9 мая 1880 года он прибыл уже в Чикишляр и в тот же день приступил к делу. Здесь необходимо отметить следующий эпизод. На пароходе была привезена чудная белая лошадь Скобелева. Генерал велел, не доезжая до берега, спустить ее в море. Лошадь благополучно доплыла. Впоследствии Скобелев признавался, что отдал это приказание под влиянием суеверия (которым всегда отличался): если лошадь доплывет, значит экспедиция окончится удачно.

С прибытием Скобелева работа закипела, и притом все приняло сознательный, целесообразный характер. Генерал вставал в 4 часа утра, мылся со своим адъютантом на кухне, когда ротные котлы только что начинали ставить на огонь, проверял сам мясо, крупу, пробовал хлеб, ночью неожиданно являлся в госпиталь, осматривал сторожевую службу и лично опрашивал фельдшеров. В магазинах шла погрузка ночью, с фонарями. Часто являлся туда Михаил Дмитриевич, заходил рано утром, говоря: “Буду я, будет и офицер, и смотритель, вернее вес выйдет, да и солдату веселее пойдет работа”. Скобелев не походил на гвардейца-белоручку. Во всех деловых совещаниях и комиссиях он участвовал лично, но говорил: “Все это одни разговоры и писание”. Он терпеть не мог канцелярщины и сложной переписки – он был и на бумаге так же быстр, как и на войне. Его известный адъютант Баранов днем и ночью, верхом и пешком ловил на лету мысли и распоряжения Скобелева. Другим деятельным помощником был полковник (теперь генерал) Гродеков.

Силы, которыми располагал Скобелев, составляли в общем весьма ничтожный отряд из 26 рот пехоты, 22 больших орудий, 4 митральез и 12 орудий без запряжки, оставшихся на укрепленных пунктах. С этими силами (около четырех тысяч человек) Скобелев предпринял решительное движение в Ахалтекинский оазис и занял территорию на протяжении 320 верст безлюдной пустыни; и все это при самых ничтожных материальных средствах экспедиции. “*ICI je ne suis pas sur des roses*” (“Здесь я не на розах”), – писал сам Скобелев.

10 июня Скобелев находился в Копетдагских горах у Бендесенского перевала.

В самом начале экспедиции решительность Скобелева оказала сильное впечатление на воображение азиатских народов, прежде всего – на туркмен.

Скобелев был прислан поправить неудачи, понесенные нами в 1879 году под стенами Геок-Тепе. Туркмены тогда помогали русским, а потому текинцы стали жестоко мстить им. Напуганные их разбоями туркмены решили ни за какие деньги не давать нашим войскам даже верблюдов. Эта решимость туркмен могла погубить все планы Скобелева. Для вторжения в Ахалтекинский оазис необходимо было иметь до 6000 верблюдов, а у него было 1200. Туркмены стояли на своем: “нет верблюдов”.

Доведенный до крайности Скобелев велел созвать туркменских старшин и казиев (священников) и обещал им большие подарки. Но и это не подействовало. Тогда пришлось принять другие меры. На дворе около дома Скобелева стояли пять влиятельных старшин и два почетных казия со 150 туркменами. Когда Скобелев убедился, что переговоры бесполезны, он быстро вызвал взвод солдат и арестовал старшин и казиев. Арест этот до того испугал остальных, что они ускакали в кочевья и объявили своим, что русские сослали всех их старшин и казиев в Сибирь. Но Скобелев отправил арестованных на лодке “Тюлень” в Ашур-Аде, а кочевникам объявил, что оставляет их старшин заложниками. Только тогда туркмены исполнили его требование.

Все это было еще в мае. Многие подчиненные Скобелева осуждали произвольный арест старшин как меру жестокую и даже нетактичную, но на деле оказалось, что туркмены, привыкшие к подобному образу действий между восточными народами, были умирены.

В течение июня и июля четыре тысячи верблюдов доставляли нам транспорт в Вами. По окончании операции Скобелев отпустил арестованных, чем крайне удивил и обрадовал туркмен. Задумай Скобелев вместо этого заводить свой транспорт, дело поггло бы, как было при Лазареве.

6 июля из Вами Скобелев предпринял невероятно смелую рекогносцировку к Геок-Тепе с восьмьюстами человек. В окрестностях Геок-Тепе кочевало в то время до шестидесяти тысяч текинцев. Скобелев подошел к самым стенам Геок-Тепе, оставив вагенбург *за девять верст*. На обратном пути он был атакован со всех сторон тридцатью тысячами текинцев. В этой почти беспримерной битве 800 солдат под командованием Скобелева отбили почти в сорок раз сильнеешего неприятеля.

Сам Скобелев в донесении главнокомандующему кавказской армии об этой рекогносцировке чрезвычайно хвалит Гродекова и затем говорит: “Что касается собственно до дела 6 июля, то рад сознаться: не испытав на деле текинцев и будучи под впечатлением прошлогодней неудачи, я бы вряд решился идти под Геок-Тепе с горстью людей, если бы не находил в минуту

сомнений и колебаний столь сильную нравственную поддержку в исправляющем должность начальника штаба войск”. Не мешает заметить, что и сам Скобелев был официально лишь “временно командующим”.

Послушаем теперь очевидцев (Гродеков, Майер, Маслов, Туган-Мирза-Барановский, Шаховской и многие другие описали эту кампанию).

Отряд, назначенный для рекогносцировки подле Геок-Тепе (6 июля 1880 года), двигался с 1 июля, ища встречи с текинцами. 5-го вечером остановились в 12 верстах от сосредоточения всех сил противника и в 126 верстах от остальных русских войск. Вечером в виду неприятеля играли общую зорю, и после зорового выстрела степь огласилась звуками песен. 6-го числа в половине четвертого утра отряд двинулся к крепости. Под звуки марша в сплоченном боевом порядке двинулась горсть людей к опушке селения Янги-Кала. Неприятель немедленно высыпал из крепости и огромными массами окружил отряд со всех сторон. Смешиваясь с громом выстрелов, музыка оглашала степь звуками марша, и кучка русских в 800 человек стройно, как на параде, двигалась под палящими лучами солнца. Минута смущения – и отряд погиб бы. Но смущения не было. На выстрелы туземцев отвечали молчанием. Вдруг колонна останавливается, разворачивает фронт, меткий залп поражает текинцев. “Снова играет хор музыки, снова стройно тянутся ряды русских “белых рубах”, солнце сверкает на штыках, и текинцы с озлоблением начинают сознавать, что выше их сил помешать урусу делать, что он хочет”. (Слова Майера.) “Дисциплиною и меткостью огня неприятель был удерживаем от решительного нападения”.

Еще изумительнее были действия Скобелева во время ночной атаки текинцев. Неприятельский начальник Тыкма-Сердар с полуторатысячной спешенной конницей подобрался садами на 78 шагов к нашему фронту; но у нас царило молчание, до того смутившее текинцев, видевших, что русские не спят, что они не решились напасть. Только перед рассветом артиллерия открыла огонь по отступавшим текинцам. Убедившись в стойкости наших войск, Скобелев еще в августе хотел двинуться в глубь оазиса, но организация была не полна. Ждали войска, находившиеся на западном берегу моря.

Был необычайно жаркий августовский день. Зной в Бами доходил до 45 градусов по Реомюру. Скобелев и Гродеков вдвоем устроили военный совет и ровно восемь часов подряд спорили. Пылкий Скобелев хотел двинуться вперед, Гродеков доказывал, что не все еще готово. Вообще тактичный и опытный Гродеков играл в этой экспедиции ту же роль регулятора, сдерживавшего

пыл Скобелева, как Куропаткин в турецкую войну. В конце концов Гродеков убедил Скобелева. Генерал ускакал в Красноводск и занялся хозяйственными работами. Весь сентябрь и до половины октября он встречал партии верблюдов, осматривал магазины, ездил в Михайловский залив, чтобы видеть, как строится железная дорога, злился, что проведение дороги идет медленно. В такие мертвые минуты Скобелев становился человеком крайне тяжелого, несимпатичного характера. Наконец в половине октября почти все было готово, и Скобелев со своим летучим штабом поскакал на театр войны. При найме верблюдов Скобелев пользовался услугами известного подрядчика Громова, которого в шутку называл своим “кунаком” и который при помощи русской сметки и купеческой изворотливости раздобыл в две недели десять тысяч верблюдов.

23 ноября Скобелев был уже в 20 верстах от стен Геок-Теке.

При этом движении Скобелев чуть-чуть не попался в руки текинцев.

27 ноября, перевалив через Копетдагский хребет и спустив орудия, Скобелев по своей обычной горячности обогнал колонну со своим конвоем, велел разбить палаточку и сел писать приказы. Вдруг было получено от лазутчиков известие, что текинцы застигнуты врасплох и угоняют свои стада.

Хотя было уже поздно, Скобелев велел кавалерии догонять текинцев; когда вся кавалерия поехала, спустился густой туман: в двух шагах ничего не было видно. Скобелев с князем Эристовым и несколькими казаками и денщиками не могли найти остальных, а между тем местность кишела текинцами. Положение становилось критическим, но Скобелев, нимало не теряя присутствия духа, поскакал к находившейся вблизи кала (круглой башне).

– В этой башне, – сказал он Эристову, – мы с тобою можем держаться против самой сильной партии текинцев.

Спокойно и решительно приказал он двум бывшим с ним проводникам из туземцев отыскивать войска и вызывать команду охотников. Он написал начальнику охотников Воропанову записку. Один из проводников скоро наткнулся на бивуак охотников, и Скобелев прибыл назад как раз, когда началась перестрелка между текинцами и казаками-ташкентцами.

После этого события среди текинцев распространился слух, что Скобелев заколдован и неуязвим пулею.

Еще раньше, 12 августа, на Бендесенском перевале по неосторожности Скобелева его любимая белая лошадь была захвачена текинцами, а сам он только по счастливой случайности избежал плена. Без сомнения, сам Скобелев так верил в свою “звезду”, что рисковал жизнью даже там, где в этом не было

надобности.

Во время трехдневной осады Геок-Тепе Скобелев жил в траншеях. Однажды утром состоявший при нем д-р Гейфельдер, в сопровождении хирурга, вышел из траншей на открытое пространство между лагерем и крепостью.

– Что такое, доктор? Разве вы не видите, что здесь открытое для неприятельских пуль место? Не ваша обязанность так экспонировать себя. Если вас убьют текинцы, то на меня опять будут нападать.

Скобелева в это время многие винили в том, что другой сопровождавший его доктор, Студицкий, увлекшийся преследованием текинцев, был ими изрублен.

– А если вы будете ранены? – спросил Гейфельдер.

— Не буду ранен. *Та пуля еще не вылита, которая меня убьет.*

— Это выражение Скобелев повторял много раз несколькими лицам.

Гейфельдер сообщает другие эпизоды, из которых видны странные противоречия в натуре Скобелева. При всем своем мужестве он не только боялся тринадцати гостей или тринадцати свечей за столом, но питал если не боязнь, то тревогу в присутствии некоторых людей, именно тех, в ком он почему-либо подозревал “нигилистов”. Однажды Скобелев просил Гейфельдера назначить к нему врача, “только не из поляков”. Гейфельдер рекомендовал ему одного молодого врача. Увидев его, Скобелев поморщился, отозвал Гейфельдера в сторону и таинственно спросил:

– Скажите, этот господин – не нигилист ли он?

– Не думаю... – с изумлением сказал Гейфельдер.

– Смотрите сами: эти длинные волосы, эта небритая борода, этот оборванный вид... Разве это военная аккуратность? А манеры, вид, осанка? Просто похож на нигилиста!

Гейфельдер даже рассердился.

– Помилуйте! – сказал он. – Кто полтора года здесь, у того нет времени бриться и употреблять Eau de Botot (любимое полоскание). – Скобелев подумал, оставил врача при себе и потом в высшей степени благоволил к нему. 12 декабря этот врач был ранен во время рекогносцировки.

28 декабря отряд Скобелева потерпел легкую неудачу. 23-24 декабря была заложена первая траншея. Вначале текинцы не поняли, в чем дело. “Русские роятся, – говорили они, – как свинья рылом”. Ночью 28 числа текинцы ловко подкрались и через низкий бруствер бросились в первую траншею, где начали рубить караульных, взяли пушку и штандарт. Скобелев был бледен и расстроен. Он предвидел возможность ночных атак и

был взбешен беспечностью солдат, спавших в траншее. “Вы не правы, – сказал ему Гейфельдер. – Утомленные люди, попав в спокойное место, впадают в непреодолимый сон”. Скобелев обвинял себя, солдат, офицеров, спросил, сколько раненых.

Второе ночное нападение текинцев было совсем в другом роде. С дикими криками “Аллах!” они налетели на наш лагерь и едва были отбиты ротою ширванцев. Эти ночные атаки смутили даже Скобелева.

– Никто не может заподозрить меня в трусости, – сказал он однажды, – *mais ces attaques nocturnes me font l'effet comme si j'avais bu de l'eau de Kissingen* (но эти ночные атаки на меня производят впечатление, как будто я напился киссингенских вод).

Киссингенские воды были особенно противны Скобелеву, по связи с именем Бисмарка.

Еще первого декабря Скобелев получил известие, что русская сметка Громова не спасла его верблюдов. Партия текинцев напала на транспорт Громова, отбила 3 тысячи верблюдов, перебила прикрытие и взяла в плен вожakov.

Это известие рассердило Скобелева необычайно. Он стал необыкновенно суров, молчалив; еще раньше он чувствовал себя скверно, теперь его била лихорадка. Его обычное упрямство было, однако, сломлено. По словам Арцишевского, Скобелев всегда делал наперекор. “Едем мы вдвоем, я скажу: “Держите левее, там обрывы”, – а он возьмет и нарочно переедет чуть не кубарем и говорит потом: “Я бы сам объехал, но ужасно не люблю забот обо мне”. Но теперь он последовал совету и спрятался от холода в кибитку, а Арцишевскому поручил всю линию.

На 9-й день, когда Арцишевский явился с докладом, Скобелев был уже вполне здоров и, выслушав доклад, стал шагать, распевая: “Моя звезда не угасает”. Арцишевский просто не узнал местности: в семь дней под руководством Скобелева были построены редуты, батареи, возник могущественный укрепленный лагерь; солдаты упражнялись в работе динамитом.

20 декабря все войска, числом до семи с половиной тысяч человек, двинулись к Геок-Тепе, а 12 января 1881 года и эта крепость была взята штурмом, причем погибло 20 тысяч текинцев.

Во время текинского похода Скобелев услышал страшную весть, не помешавшую ему, однако, довершить поход. Это было еще в июне, во время пребывания в Баши.

Спустя несколько недель после занятия Баши Скобелев находился в своей палатке. Был вечер. В палатке еще светился огонь. Послышался звонкий фальцет генерала, который кликнул своего денщика Петрова, чтобы узнать, спит ли Гродеков. Петров

доложил, что спит.

Гродеков в эту ночь действительно лег рано с целью не попадаться на глаза Скобелеву. Почта в Бами получалась в 9 часов вечера. Гродеков как начальник штаба вскрывал все пакеты. Вскрыв несколько пакетов, Гродеков распечатал какую-то телеграмму и вдруг побледнел. Телеграмма была на имя Скобелева из главного штаба за подписью генерала Мещеринова; в ней сообщалось, по не совсем верным данным, будто “турки” в Филиппополе варварски убили старушку-мать Скобелева.

Любовь Скобелева к матери была всем известна. На другое утро Скобелев был удивлен странным видом и голосом Гродекова. Наконец Гродеков собрался с силами и сказал, что с близким ему лицом случилось несчастье.

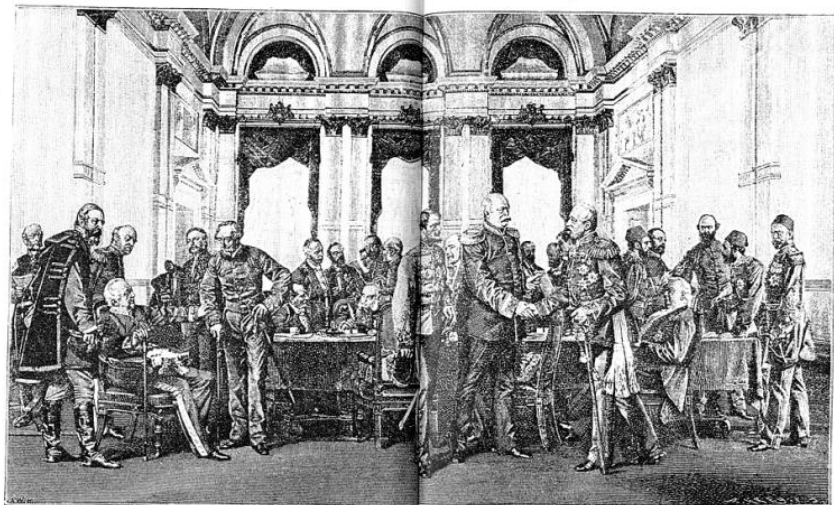
– Родные? – сказал Скобелев. – Матушка моя в Болгарии, здорова, впрочем, я ей послал телеграмму. Чего она лазает там по парламентам? Только раздражает моих врагов!

Надо заметить, что, когда мать Скобелева прибыла в Пловдив (Филиппополь), болгары встретили ее восторженно. Носились даже слухи, будто Скобелев метит попасть в болгарские князья. Слухи эти имели некоторое основание. О возможности своей кандидатуры Скобелев сам говорил многим близким, и весьма вероятно, что его мать, Ольга Николаевна, поддерживала этот план. Когда Гродеков сообщил содержание телеграммы, Скобелев стал страшен. Он рыдал до конвульсий.

– Ужасно! – рыдая, повторял он. – Турки, мои враги, убили мою любимую мать! Это они мне мстят за то, что я нечаянно сжег их селения и отбил транспорты (это дело долго не давало покоя совести Скобелева). Но если так, я заплачу им так же ужасно! Я из их крови разолью моря, подниму на ноги все Балканы, перережу ваших жен и детей! Старушку убивать – не месть сыну!

Немного погодя он разразился проклятиями против творцов Берлинского конгресса.

Весь этот пафос был направлен не туда, куда следует. Впоследствии оказалось, что мать Скобелева была убита поручиком Узатисом, тем самым Узатисом, которого Скобелев облагодетельствовал, наградил, принял из отставки на службу, дал Георгиевский крест и помогал ему деньгами как родному; и Бисмарк, и турки тут оказались ни при чем...

Графъ Баронъ. Баронъ Гейфельдеръ. Графъ Дюва. Графъ Горчаковъ. Лордъ Виконсфилдъ. Раддингтонъ. Графъ С. Виллемъ. Князь Гогенлоу. Дюпра. Графъ Готтс. Графъ Кортъ. Графъ Мунъ. Фельд-Радовичъ. Баронъ Уоръ. Князь Бисмаркъ. Вейсъ Андранъ. Графъ Шуваловъ. Лордъ Одо-Русселъ. Каратеодоро-паша. Истеръ Бутеръ. Графъ Гербъ Бисмаркъ. Фельд-Готтсгеймъ. Д-ръ Вундъ. Саадутла-бей. Лордъ Салесбери. Лордъ Одо-Русселъ. Каратеодоро-паша. Мехметъ-Али-паша. Фельд-Виллоу.

Берлинский конгресс 1878 года. Гравюра с картины А. фон Вернера

Перед самым штурмом Скобелев произвел еще одну рекогносцировку под стенами Геок-Тепе. Крепость виднелась в виде неровного овала, окруженного высокими валами с несколько выдающимися фортами. После чтения диспозиции Скобелев объяснил театр действий, показал, где он 6 июля стоял с летучим отрядом, указал, где его предшественники были разбиты текинцами, затем демонстрировал, откуда должна наступать колонна. Пока все это происходило, цепь казаков едва сдерживала густой круг непрерывно стрелявших текинцев.

“Скобелева ни град пуль, ни многочисленность неприятеля, ни дерзость текинской конницы не тревожили нисколько, – пишет Гейфельдер, – как будто это не существовало для него. Сидя спокойно и равнодушно на коне, он только занят был тем, чтобы хорошо растолковать план действий. Только изредка он прерывал свое объяснение коротким приказом. *Это спокойствие действовало и на других как психическая зараза.* Никто не думал об опасности, никто не беспокоился, все старались держаться подобно ему, хотя многие впервые нюхали порох.” “Скачите вперед! – крикнул Скобелев графу Орлову-Денисову, – запретите казакам заводить дело, прикажите медленно отступать! Пора домой!”

Возвратились тихим шагом, весело разговаривая. 19 декабря, накануне штурма, Скобелев стал готовиться к этому решительному моменту кампании. Ему приготовили новый

мундир с эполетами, ордена, перчатки, шашку – все как на свадьбу.

“Так я всегда przygotowляюсь к бою, – сказал Скобелев Гейфельдеру. – А теперь, *voyons docteur*, – прибавил он и продолжал по-французски, – побеседуемте о приятных вещах, только не об окружающем. Будем лучше говорить о предметах интересных и отдаленных, которые перенесут нас в другие сферы и облегчат переход к приятному и глубокому сну, которым я хотел бы воспользоваться перед битвой”.

Стали говорить о франко-прусской войне, особенно о Мольтке. 20 декабря утром Скобелев встал рано и тотчас явился верхом перед войсками. Его бодрое расположение духа сообщилось всем. Единодушно двинулся отряд на штурм и после незначительного сопротивления крепость была взята.

В самый разгар боя Гейфельдер доложил Скобелеву: “Только 10 раненых”. Скобелев терпеть не мог, когда в бою говорили о ранах. После битвы сам иногда плакал над ранеными.

– Не хочу знать, – резко сказал он. – Не говорите мне ничего о раненых. Это только деморализует полководца, когда он слышит об убитых и раненых.

“В таких словах, – пишет Гейфельдер, – обнаруживалось внутреннее волнение Скобелева, но во время дела оно было незаметно. Напротив, он сидел спокойно на великолепном коне. Его стройная, элегантная фигура была заметна издали. Глаза следили за движением войска, лицо было неподвижно, иногда только брови сдвигались, и его звучный голос, перебивая шум битвы, был слышен издали”.

Со взятием Геок-Тепе кампания была окончена.

Глава VI

Взгляды Скобелева на войну и военное дело. – Его политические теории и увлечения

Когда умер Скобелев, над его свежей могилой было произнесено много речей самого разнообразного содержания. Немало было также написано некрологов: в одних уверяли, что он “своим орлиным взором обнимал прошедшие и будущие судьбы своего Отечества” (так было сказано в “Русской старине”), другие отвергали в нем всякие политические дарования (это утверждал “Вестник Европы”). Конечно, Скобелев мог бы быть крупным политическим деятелем. Он обладал природным даром слова, не тем, который черпается из чтения чужих речей, а тем, который электризует слушателей. Красивая наружность, мощный голос, умение говорить с людьми “всяких званий” – все это могло бы составить для Скобелева карьеру политического деятеля, если бы существовала подходящая арена. Во Франции Скобелев мог бы быть крупным парламентным вождем, гораздо более крупным, чем Буланже, с которым его напрасно сравнивали: Буланже, как известно, не был способен говорить никаких речей, кроме заученных, да и вообще был натурой гораздо более мелкой, чем Скобелев.

Как политический деятель Скобелев был наиболее родствен Ивану Аксакову и другим славянофилам новейшей формации. Этим определяются и его взгляды на войну и военное дело. Скобелева нельзя назвать шовинистом. Он был поэтом войны лишь на поле боя, но в мирное время сознавал весь ее вред. Близкие Скобелеву люди подтверждают, что он всегда и везде помнил “о бедном русском крестьянине” и смотрел на войну как на печальную необходимость. В Скобелеве строго следует отличать военного от мыслителя. Как политик он большей частью стоял за мир и не раз говорил: “Начинать войну надо только с честными целями, когда нет другой возможности выйти из страшных условий – экономических или исторических”. “Война извинительна, – по словам Скобелева, – только когда я защищаю себя и своих, когда мне нечем дышать, когда я хочу выбиться из душного мрака на свет Божий”. “Война – страшное дело, – сказал однажды Скобелев. – Подло и постыдно начинать войну так себе, с ветру, без крайней необходимости. Никакое легкомыслие в этом случае непростительно. Черными пятнами на королях и императорах лежат войны, предпринятые из честолюбия, из хищничества, из династических интересов”.

Но как только война объявлена, Скобелев становился

военным. “Раз начав войну, – говорил он, – нечего толковать о гуманности. Война и гуманность не имеют ничего общего между собою. Или я задушу тебя, или ты – меня. Лично иной бы, пожалуй, и поддался великодушному порыву и подставил свое горло – души! Но за армией стоит народ, и вождь не имеет права миловать врага, если он еще опасен. Штатские теории тут неуместны. Я пропущу момент уничтожить врага – он меня уничтожит. Нерешительные люди не должны надевать на себя военного мундира. В сущности, нет ничего вреднее, и даже более – никто не может быть так жесток, как вредны и жестоки по результатам своих действий сентиментальные люди. Человек, ненавидящий войну, должен добить врага, чтобы вслед за одной войной тотчас же начиналась другая”. Скобелев не верил ни в дипломатические союзы, ни в скорое осуществление идеи вечного мира. “В союзах между народами, – говорил он, – один всем пользуется, а другой за все платит, один льет свою кровь и тратит деньги, а другой честно маклерствует, будучи не прочь обобрать друга в решительную минуту. Лучше всего – в одиночку. Моя хата с краю, пока меня не задела”.

Скобелев утверждал, что наиболее частые и серьезные причины войн коренятся в экономическом строе. Непосредственные причины войн, по его словам, сводятся обыкновенно к двум: или сравнительно высокая цивилизация стремится эксплуатировать слабейший народ, захватив его земли, – так были, например, завоеваны Индия и Америка, – или, наоборот, варвары разрушают цивилизацию: таковы завоевания гуннов, татар и т.д. Это, по словам Скобелева, тот же принцип борьбы за существование. Главною причиною борьбы он считал поэтому неравенство народов в культурном отношении. Отсюда прямой вывод: сближение различных культур и цивилизаций должно содействовать делу мира. По-видимому, Скобелев не был чужд и этой мысли, но в близкое осуществление идеала мира он не верил. Мало того, он полагал даже, что в наше время, при несовершенстве нашей цивилизации, военные доблести необходимы как спасение от односторонностей индустриализма, промышленного духа, проникающего в современное общество. “Война, подобно дуэли, – сказал однажды Скобелев, – неизбежна. Она бывает нужна для того, чтобы пробудить и поддержать в народе стремление к более возвышенным идеалам”. Если дополнить эти слова приведенным выше требованием Скобелева, чтобы война затевалась лишь с “честными целями” и главным образом для самообороны, то они станут еще более ясными. Но иногда Скобелев выражался уж чересчур решительно. “Никогда не настанет время, в которое мы будем в состоянии обойтись без

войны”, – сказал он однажды д-ру Гейфельдеру. “Неужели, – добавил Скобелев, – вы действительно верите в утопию грядущего золотого века!” На это можно было бы возразить словами Маркса, что “стряпня по кухне будущего человечества” есть вещь во всяком случае рискованная и что не верить в утопию вечного мира так же неосновательно, как и верить в нее. Можно только по известным фактам определить, накаплиются ли под влиянием цивилизации шансы мира или же шансы войны.

Довольно любопытны взгляды Скобелева на финансовую сторону войны. За эти взгляды его иногда упрекали в солидарности с теорией “Московских ведомостей”, проповедовавших выпуск бумажных рублей. Быть может, Скобелев был плохим финансистом, но взгляд его на финансовые источники войны не ограничивался упомянутой теорией. Он просто утверждал, что побежденный неприятель должен кормить победителя даром, и в доказательство осуществимости такой теории ссылался на Наполеона.

В 1881 году Скобелеву кто-то доказывал невозможность войны с Германией, ссылаясь на наш курс. “Я ничего не понимаю в финансах, – сказал на это Скобелев, – но чувствую, что финансисты-немцы что-то врут. В 1793 году финансы Франции были еще и не в таком положении. Металлический франк ходил за 100 франков кредитных. Однако Наполеон, не имея для солдат сапог, одежды, пищи, пошел на неприятеля и не только достал сапоги, одежду и пищу, но и обогатил казну, а курс поднял даже за 100. При Петре мы были настолько бедны, что после Нарвы колокола переливали в ружья. И ничего! После Полтавского боя все изменилось. А покорение России татарами? Что же, они покорили Россию потому, что курс их был хорош? Просто есть нечего было, ну и пошли завоевали Россию. Если бы нам пришлось перенести войну на неприятельскую территорию, то враг должен за честь считать, ежели я ему заплачу кредитным рублем. Даже кредитные билеты я отдал бы с сокрушенным сердцем. Неприятель должен кормить нас даром. *И без того наш народ нищий по сравнению с соседями, а я еще буду платить врагу деньги, заработанные горем, бедой и тяжким трудом рязанского мужика. Я такой сентиментальности не понимаю*”.

Во время Текинской экспедиции Скобелев доказал на опыте возможность расплаты за все кредитным рублем. Не следует, однако, забывать, что сам Скобелев предостерегал в военном деле смешивать Азию с Европой. Но в это смешение он впал сам в своих финансовых планах, сводящихся к организованному ограблению побежденного неприятельского народа. Конечно, ссылка на бедность русского мужика весьма красноречива, но

если экономические условия нашей страны вынуждают нас либо сохранить мир, либо вести войну, соединенную с грабежом, то, конечно, мир предпочтителен, и сомнительно, чтобы сам рязанский мужик, на которого сделана ссылка, хотя на минуту поколебался сделать выбор между миром и самой дешевою, за счет врага веденною войною. Мы увидим, впрочем, что на практике Скобелев жестоко преследовал мародерство и вообще всякий грабеж в побежденной стране.

Парадоксы Скобелева объясняются лишь тем, что военный практик в нем поневоле сталкивался с политиком. В случае действительной войны, например, с Германией, Скобелев был бы, вероятно, сторонником бисмарковской теории, по которой побежденному врагу следует пустить кровь не только мечом, но и посредством выворачивания его карманов. Ошибочность этой теории поняла Германия вскоре после получения пяти французских миллиардов. На практике тот же Скобелев самым добросовестным образом охранял бы немцев от мародерства.

Следует ли за ложные финансовые теории отвергать в Скобелеве талант политического деятеля? Но в таком случае что сказать о государственных талантах самого князя Бисмарка, которого, сказать кстати, Скобелев в одно и то же время не любил как честного маклера, ограбившего Францию и обманувшего Россию, но высоко ценил как германского патриота?

Наиболее любопытны мнения Скобелева по среднеазиатским вопросам.

Среднеазиатские дела Скобелев, несомненно, знал превосходно и если иногда увлекался, например, рассуждая о возможности похода на Индию, то в общем был прав, требуя действий решительных, энергичных, способных поразить воображение восточных народов, но в то же время справедливых и гуманных к покорившемуся врагу. Что Скобелев, по мере личного ознакомления с европейскими делами, мог значительно исправлять свои мнения и вовсе не был склонен идти путем слепого шовинизма (о чем можно было бы заключить по его знаменитым антинемецким речам, повод к которым дали германские высокопоставленные шовинисты), доказывается, между прочим, весьма важной запиской, написанной им 27 декабря 1878 года и о которой было уже упомянуто при обзоре турецкой войны. Пробыв не более трех месяцев в английском обществе, Скобелев превосходно понял разные течения, направлявшие в то время британскую политику. Правда, с английскими делами он был уже отлично знаком по Средней Азии и всегда относился к англичанам как к “великой нации, которую более всего отличает инициатива”. Весьма любопытно

мнение Скобелева о русско-английских отношениях. Скобелев пишет:

“Уже несколько лет служа на той границе отечества, которой суждено, как думаю, столкнуться в наиболее решительной форме с британскою силою, я старался выяснить себе, каким образом в общественном мнении этой великой нации в различные периоды ее народной жизни происходят перевороты, заставляющие англичан в данное время отнестись к тем же вопросам совершенно иначе. Кому не памятен, например, припадок нервной русофобии в 1840-х годах, вызванный талантливою деятельностью нашего посла в Тегеране, осадой (персами) Герата и победоносною обороною этого города волонтером, поручиком Потингером, случайно бывшим тогда в Герате и со свойственной этой великой нации инициативой взявшим на себя честь быть предводителем в этот момент всех страстей своего отечества.

Несчастливая экспедиция Перовского на Хиву, как несчастная экспедиция генерала Столетова в Кабул, переполнила чашу... Английская армия вторгается в Афганистан... и уже мечтает идти к Самарканду... Это было в 40-х годах. С этого времени наступает перелом...

Наступает период русофильства, которое не нарушается... никакими успехами нашими в Средней Азии, но даже фактическим приближением русских сил к границам Индостана. Опасность была мифическая, когда англичане били тревогу в 40-х годах; они ее не били в 1865 году, когда следовало”.

Скобелев совершенно верно понял эти странные противоречия как следствие *внутренней* политической жизни Англии. Мы уже упоминали о том, как верно он предсказал перемену настроения в Англии по окончании турецкой войны и предугадал падение Биконсфильда, когда об этом и не думали присяжные дипломаты. Этот факт показывает, что Скобелев, вопреки мнению некоторых публицистов, был проницательным и наблюдательным политиком и если ошибался, то во всяком случае менее многих дипломатов и публицистов, всю жизнь занимавшихся политикой.

Бенджамин Дизраэли, лорд Биконсфильд

Глава VII

Скобелев как полководец и администратор

Подобно всем замечательным людям, Скобелев сказал “новое слово”, быть может, сходное с теми, какие были сказаны Александром Македонским, Наполеоном, Суворовым, но в то же время представляющее и свои индивидуальные черты.

Характеристика Скобелева как полководца может быть сделана в двух чертах: тщательная подготовка боя и умение пользоваться психологией масс. Конечно, то же можно сказать и о других великих полководцах, но средства, избираемые ими, были иные. Наполеон прежде всего поражал противника стремительностью движений и сосредоточением массы войск. Скобелев двигался не менее стремительно, когда был хозяином дела, как в Геок-Тепе или при Адрианопольском набеге. Но что мог он сделать под Плевной со своим крохотным подчиненным отрядцем, предназначенным “для прикрытия” и отделенным от главной армии оврагом? Военный гений Скобелева не успел развиваться в полном блеске; он мог бы показать себя вполне только в роли главнокомандующего на европейском театре войны.

Наполеон высоко ценил психологический элемент войны. Он был великим актером и умел поражать французских солдат своими историческими фразами. Суворов был с солдатами солдатом. Скобелев не обладал простотой Суворова, но в нем не было и наполеоновского чванства и фразерства. И в мирное время, и во время боя его главной заботой было поднять в солдате чувство собственного достоинства. В ранней юности ему еще случалось по горячности ударить солдата; став начальником, он не терпел кулачной расправы, считая ее унижительной и для солдата, и для начальника. Раз как-то на глазах Скобелева один полковой командир ударил солдата.

– Я бы вас просил этого в моем отряде не делать, – сказал Скобелев так громко, что слышали все окружающие. – Теперь ограничиваюсь строгим выговором, в другой раз приму иные меры.

– Но, ваше превосходительство, наш солдат не может обойтись без дисциплинарных внушений, – начал было командир. – Они так глупы...

– Дисциплина должна быть железною, – оборвал его Скобелев. – В этом нет сомнения, но достигается это авторитетом начальника, а не кулаком. Срам, полковник, срам! Солдат должен гордиться тем, что защищает родину, а вы его как лакея бьете...

Гадко... Нынче и лакеев не бьют... А что касается глупости солдата – вы их плохо знаете... Я многим обязан здравому смыслу солдат. Нужно только уметь прислушиваться к ним.

Впоследствии Скобелев, назначенный командовать дивизией, узнал, что один только что назначенный к нему полковой командир “чистит солдатские зубы”. Скобелев призвал его к себе.

– Мне таких не надо, – сказал он. – Отправляйтесь в штаб – писарей бить. У меня полки к этому не привыкли.

И несмотря на все ходатайства прогнал командира.

Дух “скобелевских” солдат был поднят до такой степени, что, когда одного из них полковник N хотел высечь во время перехода от Плевны к Шейнову, солдат объявил, что предпочтет расстрел. Он был предан полковому суду и оправдан.

Одним из главных средств успешного боя Скобелев считал дружное содействие солдат товарищам, по собственному почину, не ожидая ничьих приказаний, как буквально говорит он сам в одном приказе по 16-й дивизии (1878 год, № 3).

Одним из лучших средств добиться такой взаимной выручки Скобелев считал “правильное воспитание солдата в мирное время”. Ввиду этого он особенно покровительствовал развитию обычая “куначества”, или побратимства, существующего в особенности в нашей кавказской армии.

Было указано на некоторые странные взгляды Скобелева на способы содержания армий в неприятельской стране при помощи кредитных рублей и контрибуций. Из этого можно было сделать неправильные заключения. Фактически Скобелев всегда относился к собственности побежденного врага в высшей степени добросовестно. Мародерство он преследовал весьма строго, и в его отряде оно было явлением редким уже потому, что Скобелев лучше других сумел сократить жадность подрядчиков и чиновников и обеспечить продовольствие солдат. Когда был занят Адрианополь, ни в городе, ни в окрестностях не случилось ни одного грабежа. С пленными скобелевские солдаты обращались лучше всех прочих и ели с турками из одного котла. Говоря о беспощадности к врагу до окончания войны, Скобелев внушал солдатам сочувствие к пленным.

Вот случай, переданный Немировичем-Данченко:

“Когда по окончании Шейновского боя Скобелев поскакал к круглому редуту, ему навстречу попала партия пленных. Один из наших солдат хватил турка прикладом. Скобелев освиrepел.

– Это что за нравы, господин офицер? – обратился он к конвойному. – Я отниму у вас саблю! Вы – позор русской армии! За чем вы смотрите? Стыд! Молчать! Бить пленных может только негодяй. А ты как мог ударить пленного? – наскочил он на

солдата. – Ты делал ему честь, дрался с ним одним оружием, он такой же солдат, как ты, и потому что судьба против него, ты бьешь безоружного?”

Другой очевидец, полковник Панютин, подтверждает, что “скобелевцы имели более высокие правила чести, чем какие-либо другие солдаты”, и приводит такой пример: художник Верещагин после дела при Хаскиойе попросил Панютина доставить ему для картин несколько мундиров и амулетов с убитых турок. Полковник позвал фельдфебелей и приказал достать мундиры. Фельдфебели переглядываются, наконец один из них говорит:

– Ваше высокоблагородие, позвольте для этого нанять болгар или жидов, наши солдаты ни за что не станут обирать убитых, потому что позорно.

Этот случай и многие другие показывают также, как понимал Скобелев дисциплину. Один из почитателей Скобелева, Кошкарров, формулирует его взгляды на дисциплину следующим образом:

“Дисциплина основывается на законности. Приказание не исполняется только тогда, когда испытаны все средства. Дисциплина заключается не в рабском исполнении желаний начальника. Она не только допускает, но и требует рассуждений! Дисциплина не в форме, а в духе”.

Все это действительно подтверждается не только рассказами очевидцев, но и документально – приказами Скобелева.

Скобелев терпеть не мог подчиненных, которые не смели своего суждения иметь и безусловно с ним соглашались. Он не выносил людей дряблых, пассивных, инертных и говорил, что они сделаны “из мокрой и слизистой тряпки”. По возможности он упрощал и сокращал формалистику, в которой многие видят необходимое средство для поддержания дисциплины. Под Плевной при обходе их траншей Скобелев приказал солдатам не вставать, говоря, что это лишь пустая потеря времени.

Вместо классического: “Не рассуждать!” – Скобелев старался прислушаться ко всякому здравому мнению, не разбирая, кем оно высказано – генералом или солдатом. Вот что рассказывает, например, наш известный путешественник Мозер.

Во время осады Геок-Тепе Скобелев ставил солдат ночью во рвы. Текинцы подкрадывались, взбирались на брустверы и рубили наших сверху. Однажды вечером, обходя аванпосты, Скобелев слышит, что солдат говорит товарищу: “Генерал напрасно ставит нас здесь. Если бы он ставил нас шагов на десять назад, текинцам пришлось бы спускаться в траншеи, где мы могли бы безопасно рубиться”.

– Это было откровением для меня, – рассказывал сам

Скобелев. Был отдан приказ, и на следующее утро сотни неприятеля лежали во рвах. Солдат, подавший эту блестящую мысль, был награжден Георгиевским крестом.

В одном из своих приказов по 4-му армейскому корпусу Скобелев писал: “Известно, что на войне нравственный элемент относится к физическому, как 3:1”.

Этому правилу Скобелев следовал в течение всей своей боевой деятельности, заботясь прежде всего о поддержании духа войск, причем, однако, он никогда не забывал о физических потребностях солдата.

Все знавшие лично Скобелева, начиная с восторженного Немировича-Данченко и оканчивая Верецагиным, называют его глубоким психологом, знатоком солдатской души. Трудно указать полководца, который умел бы в такой степени воздействовать на солдат даже в минуту их бегства под влиянием панического страха, как это случилось, например, на Зеленых горах с двумя ротами новичков. Немирович-Данченко рисует этот эпизод, быть может, не без прикрас, но в общем, несомненно, верно:

“Только что начальство стало взбираться на скат Зеленой горы, как навстречу – расстроенная масса. Бегут врассыпную, во все стороны.

И тут-то, – пишет Немирович-Данченко, – я удивился от души боевому психологу. Объятую паникою толпу не остановишь угрозами.

– Здорово, молодцы! – крикнул им навстречу Скобелев. Крикнул весело, радостно даже. Те приостановились... – Спасибо вам, орлы, за службу!.. Героями поработали.

Еще минуту назад растерявшаяся, толпа стала подбираться. Оказалось что-то наподобие строя.

– Горжусь я, братцы, что командуя вами. Таких молодцов еще и не было.

Беглецы оправились уже и, видимо, очнулись.

Тут генерал делает вид, что только сейчас заметил у них отсутствие ружей. – Это что же такое? Где же ваши ружья, ребята?

Молчание... Солдаты стоят потупившись.

– Вы это что же? Ружья кинули? Бежать – от турок... Стыд! Не хочу командовать такой дрянью.

Солдаты совсем уничтожены.

– Марш за мною!”

Затем, выведя солдат из траншей в самое опасное место, Скобелев скомандовал: “На плечо!” – и произвел ученье, как на параде, и только тогда пустил их обратно в траншеи.

Что в этом рассказе нет особого преувеличения, доказывается аналогичными свидетельствами Верецагина и Дукмасова.

В числе средств, ободряющих солдата, Скобелев считал одним из весьма важных музыку и пенье. По словам Шаховского, в походе Скобелев терпеть не мог, чтобы солдаты двигались молча. “Песенники, вперед!” – была его любимая фраза, и при этом песни должно выбирать веселые. За скучные песни он делал выговор командиру части. Во время боя на Зеленых горах Скобелев велел играть оркестру в ста шагах от неприятеля. “Мы забыли войну, – говорил Скобелев. – Наши отцы были лучшими психологами... Наполеон – бог войны – водил атаки под громкие звуки марша”. Корреспондент “Голоса”, вообще не слишком расположенный к Скобелеву, одобрительно писал, что во время осады Геок-Тепе каждое утро лагерь пробуждался всеми хорами музыки, а на штурм шли под звуки марша.

Во время бездействия Скобелев боялся, что солдаты “раскиснут”, и устраивал игры – в мяч и другие. По словам Гродекова, Скобелев говорил: “Одно для меня очевидно: у нас солдат молодой, впечатлительный, требующий сердечного за ним ухода. Начальники частей, которые почти вдвое старше массы солдат, не должны этого забывать. Одно возможно: предписать устроить солдатский театр и расходы отнести на экспедиционные суммы”.

Но особенно важное значение представляют для истории военного дела воззрения Скобелева на умственную сторону солдата. В противоположность полководцам, воображающим, что все основано на рабском подчинении начальству, Скобелев и в теории, и на практике требовал “осмысленности боя”, *сознательного* исполнения приказаний. Под Плевной 2 ноября Скобелев буквально устроил военный совет из фельдфебелей и унтер-офицеров Суздальского полка, причем один молодой унтер-офицер дал полезный совет, сказав, что выходить из траншеи прямо нельзя, так как турецкие секреты близко, а лучше подкрасться с флангов. Вообще перед боем, в случае малейшей к тому возможности, Скобелев объяснял не только офицерам, но и солдатам весь план действий.

Не станем разбирать взгляды Скобелева на *технику* военного дела – для этого необходимо быть специалистом. Ограничимся общими замечаниями, извлеченными из приказов Скобелева. О Наполеоне не без основания говорили, что он был прежде всего артиллеристом. Правда, у него был такой кавалерист, как Мюрат, едва ли имевший себе равного. Скобелев не отличался этой односторонностью. Он одинаково ценил действие всех родов оружия. Признавая, что решающее значение в бою принадлежит теперь пехоте, Скобелев полагал, однако, что некоторые германские теоретики чересчур унижают значение кавалерии. 20

мая 1878 года он писал Струкову: “Что было бы с нами в Турции, если бы воскресла кавалерия султана Махмуда? В войне с Австрией и даже с Англией неумелость употреблять кавалерию может просто повести к проигрышу кампании”. По мнению Скобелева, роль кавалерии “пылко наступательная”. “Бой ее решается успехом главных частей, тогда как в пехоте победу решает хвост”.

Относительно пехоты Скобелев требовал: дружного содействия товарищам и поддержки артиллерии; точного различия между наступлением, то есть подготовкою атаки, и настоящей атакой; самостоятельной решимости не только офицеров, но и унтер-офицеров. “Никогда, – говорит Скобелев, – не следует забывать, что для успеха начальник должен водить свою часть в бой, а не *посылать* ее”.

От артиллерии Скобелев требовал первенствующего значения в подготовительный период боя и при обороне; в то же время ей не следует терять связи с пехотой и кавалерией во все время боя, хотя бы ценою самопожертвования. При последнем натиске пехоты желательно артиллерии быть на флангах, чтобы поражать неприятеля продольно.

В заключение приводим общий принцип военной теории Скобелева: “Никогда, как бы ни пришлось тяжело в бою, не забывать, что все роды оружия должны жертвовать собою для достижения общей цели – победы”.

Глава VIII

Политические речи Скобелева. – Его смерть

По окончании Ахалтекинского похода Скобелев отдыхал и томился от безделья. Любопытные подробности о пребывании Скобелева в его поместье Спасском сообщает бывший его ординарец Дукмасов, навестивший там Скобелева.

Скобелев жил как богатый помещик-холостяк (с женою он тогда уже развелся). Крестьяне любили его, народ стекался даже из окрестных деревень поглазеть на Скобелева, бабы называли его “писанным красавцем”. Ухаживал ли Скобелев, по недостатку во француженках, за деревенскими красавицами, остается неизвестным. Больше всего он интересовался в деревне двумя вещами – политикой и лошадьми: он имел (в Златоустовском именье) собственный прекрасный рысистый завод. Сверх того, Скобелев привез из Турции верблюдов и мулов, а из Закаспийского края – прекрасных быков. Собственно, хозяйство было у него сильно запущено, обкрадывали его немилосердно, несмотря на целый штат служащих, между которыми был даже главный контролер. Домашним хозяйством управляла пожилая дама-экономка. В своем имении Скобелев устроил для крестьянских детей школу, где дело велось недурно. Эту школу Скобелев называл шутя своим университетом. В день Рождества Скобелев устроил в училище елку и одарил детей сообразно с их успехами в учении. Во время раздачи подарков он беседовал с мальчиками и весело шутил, затем велел штурмовать елку и с улыбкой сказал, что этот штурм напоминает ему атаки на Зеленых горах.

Вскоре после того на Скобелева напала хандра. Вообще, по замечанию людей, знавших Скобелева, после Ахалтекинской экспедиции (частью под влиянием смерти матери) Скобелев из сангвиника стал почти ипохондриком. Он оживлялся большей частью, лишь когда бранил немцев.

Однажды вечером Скобелев сидел с Дукмасовым в кабинете, читая тактику Драгомирова и делая пометки на полях.

– Знаете, о чем я думаю? – сказал он гостю.

– Вероятно, новый план наступления на Берлин? – иронически заметил казак.

– Нет... я вот смотрю на эти книги, рукописи и думаю – кому все это достанется после моей смерти?

– С чего у вас такие думы? Помирать вам нельзя! Вы нужны для армии и России.

– Нет, не говорите, я, наверное, скоро умру!.. – задумчиво и

тихо проговорил Скобелев. – Знаете, что я думаю? Я думаю совсем поселиться в деревне. Буду хозяйничать!

Затем разговор перешел опять на немцев. То, что Скобелев сказал в дружеском разговоре с Дукмасовым, чрезвычайно похоже на произнесенные им несколько позднее политические речи.

“Терпеть я не могу немцев! – говорил Скобелев. – Меня больше всего бесит наша уступчивость. Даже у нас, в России, мы позволяем им безнаказанно делать все что угодно. Даем им во всем привилегии, а потом сами же кричим, что немцы все забрали в свои руки. Конечно, отчего же и не брать, когда наши добровольно все им уступают... А они своею аккуратностью и терпением, которых у нас мало, много выигрывают и постепенно подбирают все в свои руки. *А все-таки нельзя не отдать им справедливости*, нельзя не уважать их как умных и ловких патриотов. Они не останавливаются ни перед какими мерами, если только видят пользу своего фатерланда... Нет у нас таких патриотов, как, например, Бисмарк, который высоко держит знамя своего отечества и в то же время ведет на буксире государственных людей чуть не всей Европы... Самостоятельности у нас мало в политике... Ненавижу я этого трехволосого министра-русофоба, но вместе с тем и глубоко уважаю его как гениального человека и истого патриота... Вот бы нам побольше людей с таким твердым, решительным характером”.

Весь день Скобелев был грустен и мрачен.

В этот же день Скобелев велел служить панихиду над могилами отца и матери: тело Ольги Николаевны было перевезено в Спасское и похоронено в зимнем отделе церкви, рядом с отцом Скобелева.

– Пойдемте, – сказал Скобелев Дукмасову, – я вам покажу место, которое приготовил себе.

Недалеко от стены и в полу была каменная плита. Скобелев велел сторожам поднять ее.

– Вот и моя могила! – печально произнес он.

– Что это вы все о смерти! – сказал с досадою Дукмасов. – Только других смущаете! Ведь никто вам не угрожает смертью?

– *А почему вы знаете?* Впрочем, все это чепуха! – быстро прибавил Скобелев. Немного погодя он сказал:

– Я чувствую, не за горами новая страшная война. Должен решиться наконец наш спор с немцами. И я уверен, что борьба решится в нашу пользу! Но мне не придется видеть всего этого, не придется этим значкам (он указал на свои боевые значки) развешаться в предстоящей борьбе славян с немцами!..

– Какая дурная мысль! – сказал Дукмасов. – Я, напротив, твердо верю, что в войне с немцами вас назначат

главнокомандующим.

На другой день утром Скобелев получил из Петербурга какую-то телеграмму, которая крайне дурно подействовала на него. Он стал сумрачен, за обедом ничего не ел и все время молчал.

Лишь вечером, получив другую телеграмму, где было сказано об утверждении наград за Ахалтекинскую экспедицию, Скобелев опять повеселел.

Теперь мы переходим к самой решительной эпохе в жизни Скобелева. Что побудило его выйти из деревенского затишья и скучного бездействия и выступить в активной роли политического оратора? Бесспорно, честолюбие было одним из двигателей Скобелева. Но еще большее значение имели удивительная подвижность и энергия его натуры. За отсутствием кровавой войны он искал бури, “как будто в бурях есть покой”.

Существуют несомненные данные, подтверждающие, что было время, когда Скобелев мечтал о весьма крупной политической роли. Вот что рассказывает об этом Верещагин:

В конце 1878 года один из братьев В.В. Верещагина пришел сказать: Скобелев очень просил к себе по весьма нужному делу. Василий Васильевич прибежал. “Что такое?” – “Дайте мне совет! Баттенберг предлагает мне пойти к нему военным министром. (Может быть, отсюда и возникли слухи, что Скобелев мечтал о большем – именно о кандидатуре на болгарский престол.) Дает слово, что через два года затеет драку с турками (для присоединения Румелии)”. – Верещагин иронически заметил: “Вы равнодушны к белому перу, что болгарские генералы носят на шапках. Черт знает что! Вы шутите!” – “Знаете, я говорю серьезно. Я уже почти дал согласие”. – “Откажитесь, попросите, чтобы государь отказал”.

В конце концов Баттенбергу отказали, заявив, что Скобелев нужен России.

Бесспорно, однако, что в роли военного министра Скобелев принес бы Болгарии гораздо больше пользы, чем многие другие генералы. Скобелев искренне сочувствовал болгарскому народному делу и едва ли он стал бы третировать болгарских министров свысока.

Мы уже однажды подчеркнули наше несогласие с мнением, высказанным при жизни и вскоре после смерти Скобелева хроникером “Вестника Европы”, будто Скобелев не был государственным деятелем и выдающимся политическим оратором. Автор настоящего очерка нимало не разделяет политических убеждений Скобелева; но одно – оспаривать чьи-либо идеи, другое – совсем не признавать этих идей или считать

их празднословием. Идеи Скобелева в общем те же, что и у других выдающихся славянофилов новейшего периода. Не соглашаясь с ними ни в их отправных пунктах, ни во многих частных выводах, я полагаю, однако, что, *раз турецкая война была затеяна хотя бы и под давлением тех же славянофилов, ее следовало довести до конца*, то есть, во-первых, дать хотя какое-либо нравственное удовлетворение армии, предоставив ей вступить в Константинополь, *конечно, не с целью там остаться*, во-вторых, не смущаясь пустыми угрозами кабинетов – английского и других, – *довершить начатое дело освобождения славянских народов путем соединения обеих Болгарий*, хотя и не совсем по плану Сан-Стефанского трактата, чересчур раздражившего наших недавних союзников – сербов. Вступление в Константинополь тем более было оправдываемо обстоятельствами, что оно явилось бы прямым последствием договора, подписанного нами с Австрией в Рейхштадте, где мы предоставили этой державе оккупацию Боснии и Герцеговины единственно под условием занятия нами турецкой столицы. С прекращением оккупации Константинополя нам, вместе с тем, представлялся и навсегда пропущенный нами случай поставить на очередь вопрос об очищении Австрией временно занятых ею провинций. Не менее были правы славянофилы и в том отношении, что осуждали редакцию Берлинского трактата, разрезавшего Болгарию надвое, не установившего законного срока для австрийской оккупации в Боснии и вообще лишившего нас – по крайней мере для того времени – всех плодов турецкой войны. Если значительно позднее наша дипломатия и воспользовалась тем же Берлинским трактатом, то никак не для так называемого “славянского дела”, а скорее против него – именно когда не признала фактического слияния обеих Болгарии после румелийского переворота. Нимало не требуя, вместе со славянофилами, чтобы русский крест воссиял на бывшем храме, а теперь мечети, св. Софии, мы вполне понимаем все то чувство досады, разочарования и оскорбления, которое должен был испытать каждый участник турецкого похода, стоявший у самых ворот турецкой столицы, испытавший столько лишений и невзгод и все-таки не смевший вступить в турецкую столицу в роли победителя. Если поэтому “Вестник Европы” и другие органы печати иронизировали над слезами, пролитыми Скобелевым, когда он узнал, что наши войска не вступят в Константинополь, то такая ирония доказывает простое непонимание человеческой души. Конечно, никому, не исключая русского солдата, то есть тех же мужиков, не могло не быть обидным сознание, что все понесенные жертвы не привели ни к какому очевидному

результату.

Это чувство обиды, выразившееся в известной речи Аксакова, всегда тяготело также над Скобелевым. Оно руководило им и при произнесении его собственной не менее знаменитой речи, сказанной 12 января 1882 года в Петербурге, в присутствии офицеров, праздновавших годовщину взятия Геок-Тепе.

Мотивы петербургской речи Скобелева повторились и в его парижской речи, но с большей откровенностью и силою. Речь эта была вызвана прибытием к Скобелеву депутации сербских студентов Сорбонны, поднесших ему адрес с выражением искренней благодарности за петербургскую речь. Скобелев, наэлектризованный этим адресом и еще более того недавним пребыванием в Берлине и в Париже, ответил речью.

Бесспорно, этой речи Скобелев мог бы и не говорить, и, если ее выхватить без всякой связи с эпизодами, происшедшими с ним в Берлине и в Париже, ее можно было бы назвать бестактной, что и поспешили сделать многие тогдашние русские органы. Но теперь, когда Верещагин и другие современники выяснили причины, побудившие Скобелева действовать так, а не иначе, вопрос представляется совершенно в новом свете. Мы видим уже не словоохотливого генерала, который за границей сказал вслух то, чего недоговорил в России, не легкомысленного шовиниста, подстрекавшего сербов начать новую войну на Балканах и возбудить затем общеевропейскую войну, – мы убеждаемся, что Скобелева просто вызвали сказать то, что он сказал, и что обвинение в шовинизме прежде всего должно пасть на тогдашние берлинские придворные сферы, распоряжавшиеся благодаря князю Бисмарку судьбами Европы. Конечно, во взглядах славянофилов на интриги князя Бисмарка есть немалая доля преувеличения, и лично Бисмарк не повинен во всех выходах германской военной партии, но никто не станет спорить, что со времени основания тройственного союза политика Бисмарка неуклонно стремилась всегда к одной и той же цели – германской гегемонии на европейском материке.

Вот что рассказывают о пребывании Скобелева в Берлине. Когда Скобелев присутствовал на смотре какого-то германского корпуса, престарелый император Вильгельм не то дружеским, не то угрожающим тоном сказал русскому генералу:

– Вы были присланы сюда, чтобы исследовать меня до самых моих внутренностей. Вы видели один из моих корпусов. Знайте, что и все остальные не менее доблестны и в случае надобности сумеют исполнить свой долг.

После того к Скобелеву подошел еще принц Фридрих-Карл и, хлопнув его по плечу, сказал с претензией на солдатскую

откровенность:

– А ведь, любезный друг, в конце концов Австрия должна получить Салоники!

Вероятно, и другие принцы говорили подобные же вещи.

Понятно, что все это, взятое вместе, не могло не подействовать на пылкого Скобелева, задев не только его самолюбие, но и те идеалы, которыми он жил как искренний сторонник славянофильской теории. Речь его была прямым ответом на вызывающий образ действий Берлина. “Они меня заставили сказать эту речь”, – говорил Скобелев своим близким.

Нечего и говорить, что после своей парижской речи Скобелев стал в Париже героем дня. До тех пор его здесь знали меньше, чем в Лондоне. Теперь все газеты заговорили о нем, все знаменитости искали чести его знакомства. Еще раньше, в Петербурге, познакомилась со Скобелевым известная издательница журнала “Nouvelle Revue” г-жа Адан, которая была совершенно очарована “белым генералом”. Первый разговор между нею и Скобелевым был довольно замечателен; до известной степени справедливо, что г-жа Адан подстрекнула Скобелева к его парижской речи.

– Я не люблю войны, – говорил Скобелев. – Я слишком часто участвовал в ней. Никакая победа не вознаграждает за трату энергии, сил, богатств и за человеческие жертвы. Но есть одна война, которую я считаю священной. Необходимо, чтобы пожиратели (les mangeurs) славян были, в свою очередь, поглощены. В Париже я не нашел настоящих патриотов. Все здесь опасаются Бисмарка и поэтому все ему подчиняются. То же у нас, в России.

– Приезжайте в Париж, генерал, – сказала г-жа Адан, – повторите слова: “враг – это немец”.

— Кто меня знает в Париже?

– Сознаюсь, немногие, кроме армии и журналистов, – сказала г-жа Адан.

– Я боюсь Парижа и парижских газет, – заметил Скобелев.

В этом же разговоре Скобелев сказал г-же Адан, что часто думает о смерти. Затем, близко нагнувшись к собеседнице, прибавил почти шепотом:

– Я думаю, что смерть моей матери произошла не без ведома князя Бисмарка. К моему патриотизму присоединяется чувство личной ненависти.

Как и следовало ожидать, в берлинских юнкерских сферах, а отчасти и в более широких слоях общества, парижская речь Скобелева произвела еще худшее впечатление, чем петербургская. Хотя, как мы знаем, Скобелева вызвали на эту речь, – берлинская

публика не могла этого знать: она видела в речи Скобелева не только поощрение “панславистских” вождений, подкапывающих Австрию, но и прямое содействие французскому реваншу. В конце февраля беспристрастный наблюдатель, англичанин Марвин, посетивший Петербург и бывший проездом в Берлине, писал: “По всему пути в разговорах только и слышалось, что имя Скобелева. В Берлине имя его повторялось в речах и беседах всех классов общества. Я остановился перед окном магазина, в котором висела карта России. К окну подбежала толпа школьников. “Вот дорога, по которой мы доберемся до Петербурга и проучим Скобелева”, – говорил один. – “А если они придут в Берлин?” – “О, это невозможно!” Мальчишек сменила группа пожилых людей, которые в кратких восклицаниях выражали свою ненависть к славянам и к Скобелеву. На гауптвахте, находящейся на аристократической оконечности улицы Unter den Linden, солдаты вели воинственный разговор о России”.

Этого описания достаточно, чтобы показать крайнюю односторонность тех “западников”, которые во всем винили Скобелева, совершенно упуская из виду шовинизм прусский да, пожалуй, и французский, которые с разных сторон могли наэлектризовать и менее пылкого человека, чем Скобелев...

Вскоре после своей парижской речи Скобелев виделся в Париже с г-жой Адан. Нечего говорить, что ее восторженное отношение к “белому генералу” еще удвоилось.

По словам г-жи Адан, незадолго до этого свидания она получила из России письмо, в котором было сказано: “Не доверяйте Скобелеву. Он желает сделать Европу казацкой и господствовать в ней”. Сверх того, г-же Адан писали, что Скобелев деятельно готовится к своей кандидатуре на болгарский престол.

Г-жа Адан, недолго думая, показала письмо Скобелеву. Он был явно смущен, огорчен и удручен этим письмом.

– Неужели подобные глупости могут вас печалить? – спросила г-жа Адан.

– Да, – серьезно и задумчиво ответил Скобелев. – Бывают подозрения, которых можно избежать одним лишь путем – путем смерти. Бывают минуты, когда я готов на самоубийство.

– Какие ужасные слова!

– Мне отвратительны эти подозрения, – сказал Скобелев.

В тот же день Скобелев был вынужден по долгу службы оставить Париж. Находясь в Варшаве, он обратил на себя внимание своим отношением к полякам, которых раньше не особенно любил. На этот раз он был с ними приветлив. Г-же Адан

Скобелев писал из Варшавы: “Я люблю поляков. Это народ, сохранивший героические традиции. Россия отдала значительную часть Польши чужеземцам-немцам. Поляки будут за нас против немцев, все равно, хотят ли они этого или не хотят. Они не могут бороться с антигерманским инстинктом своей расы”.

В начале июня 1882 года Скобелев писал г-же Адан через капитана Л.:

“Я делаю усилия с целью приготовить армию к возможной борьбе. Мрачные предчувствия одолевают меня”.

24 июня Скобелев посетил в Москве Ивана Аксакова и оставался у него до 11 часов вечера. Скобелев принес Аксакову связку каких-то документов, причем сказал: “Боюсь, что у меня их украдут. С некоторых пор я стал подозрителен”.

От Аксакова Скобелев поехал в гостиницу, где заказал отдельный кабинет, куда вошел с двумя немецкими красавицами легкого поведения. Около 12 часов лакеи услышали какие-то стоны и возню в кабинете, затем немки выбежали и заявили, что генералу дурно. Около трех часов пополуночи Аксаков застал Скобелева уже мертвым в постели.

Сопоставляя политическую роль Скобелева с обстоятельствами его смерти, нетрудно оправдать самые удивительные легенды о его смерти, из которых наибольшей определенностью отличается та, которую сообщили какие-то лица г-же Адан. Автор настоящего очерка, посетивший г-жу Адан в 1889 году в ее именье, в аббатстве Жиф (Gif), пришел к убеждению, что издательница “Nouvelle Revue” твердо верит в свои документы.

Весьма возможно, что она стала жертвой ловкой мистификации, хотя утверждать этого положительно нельзя, не имея “документов” в руках. По уверению г-жи Адан, обе немецкие кокетки были подсланы из Берлина недоброжелателями Скобелева. Г-жа Адан называет их “дамами, приехавшими в Берлин из Гейдельберга”. В бытность мою в Гейдельберге ни от одного из здешних русских (не говоря уже о немцах) я не слышал ни малейшего намека, подтверждающего это показание.

Каковы бы ни были истинные причины смерти Скобелева, несомненно одно: он погиб жертвою своего легкомысленного отношения к женщинам. Трудно поверить, если бы не было налицо самого факта, чтобы человек, до такой степени опасавшийся немецких “интриг”, через минуту после того, как он толковал об этих интригах с Аксаковым, преспокойно отправился ужинать с незнакомыми ему двусмысленными дамами “германского происхождения”. Но, даже оставив в стороне всякую политику, нельзя не удивиться неосторожности Скобелева,

который несмотря на все увещания врачей продолжал вести рассеянную жизнь, затеяв кутежи с первыми попавшимися кокотками. В числе разных объяснений, пущенных в ход по поводу внезапной смерти Скобелева, есть и то, что он умер от чрезмерного возбуждения – и в этом нет ничего совершенно невероятного, особенно если принять во внимание, что со времени контузии, полученной в турецкой войне, Скобелев имел склонность к аневризму. Доктора Альшевский и Гейфельдер в один голос утверждают, что Скобелев вовсе не обладал железным телосложением и что, зная беспорядочный образ его жизни, можно было даже предсказать его преждевременную кончину.

Величайшим несчастьем для Скобелева было, что он не сумел или не мог найти подруги – жены. Брак его с Гагариной кончился разводом. Незадолго до смерти Скобелев мечтал еще о том, чтобы жениться “на бедной образованной девушке”. Мечтам этим не было суждено сбыться, так как в бракоразводном процессе с женою Скобелев был вынужден принять на себя вину и таким образом по приговору был осужден на безбрачие. По словам Верещагина, женитьба была больным местом Скобелева. В нем несомненно было сильное стремление к семейной жизни, хотя он энергично это отрицал.

– Необходимо только, – сказал ему Верещагин, – чтобы жена ваша была умна и взяла вас в руки.

– Это верно, – заметил Скобелев.

Еще под Плевной Верещагин пророчил Скобелеву, который страстно любил детей, что у него явятся “скобелята”, которые будут таскать его за бакены. Этому предсказанию не суждено было сбыться.

Впечатление, произведенное смертью Скобелева, в России и во всей Европе было необычайно сильно. Даже политические противники и враги Скобелева воздали ему должное. Из отзывов русских противников Скобелева достаточно привести слова “Вестника Европы”:

“Образ рыцарски храброго воина, заботливого друга солдат, образованного генерала, высокодаровитого полководца давно уже рисовался перед обществом в лице Скобелева. Образ действий Скобелева после взятия Геок-Тепе обнаружил в нем и административный талант, не уступающий, может быть, его военному искусству”.

В лучшем из тогдашних ежемесячных журналов, “Отечественных записках”, был также напечатан чрезвычайно сочувственный некролог, несмотря на то, что журнал был весьма далек от сочувствия славянофильским взглядам Скобелева.

В виде заключения делаем общую характеристику Скобелева

как человека и общественного деятеля.

Как уже замечено, Скобелев, несмотря на высокий рост, не производил впечатления атлета. Д-р Гейфельдер, описывающий Скобелева с точностью антрополога, говорит:

“Скобелев был высокого роста, стройного телосложения, скелет у него был скорее мелкий, ширина плеч не особенно развита, что скрывали эполеты. Мускулы не сильно развиты: я удивился, увидев, что *musculus biceps* и *musculus deltoideus* не сильно выдавались. Лицо, десны и соединительные оболочки глаз были бледны, кожа суховата. У Скобелева было два рубца на правом боку и бедре от ран в Туркестане и на Дунае. Об этих ранах он не любил говорить. Печень была увеличена. Череп замечательно регулярной овальной формы, лобные бугры выдавались, голова покрыта густыми волосами темно-русого цвета”.

По словам Верещагина, Скобелев страшно боялся облысеть подобно своему отцу, что подтверждает и Дукмасов. Стоило сказать Скобелеву, что такая-то помада вредна для волос, и он берегся ее больше, чем неприятельских пуль. Любопытно, что насчет цвета глаз Скобелева показания расходятся. М. Максимов, г-жа Адан и Немирович-Данченко говорят, что глаза у Скобелева были голубые, но Гейфельдер, нарочно обративший на это внимание, положительно утверждает, что на самом деле глаза Скобелева были светло-карие, и только когда он сердился, в глазах Скобелева сверкали зеленоватые фосфорические искры. Г-жа Адан также говорит, что в гневе и во время боя у Скобелева были глаза тигра, то есть зеленоватые.

Большая часть лиц, знавших Скобелева, называют его симпатичным и чарующим. Англичанин Марвин пишет: “Я никогда не встречался с человеком, который произвел бы на меня такое впечатление. Если бы Карлейль увидел Скобелева, он помолодел бы и воодушевился, как в то время, когда писал о героях в своих “Исторических исследованиях”. Арцишевский называет Скобелева не вполне симпатичным, но все-таки обаятельным и умеющим подчинить своей воле всех окружающих.

Доступность и приветливость Скобелева вошли в пословицу. Некий юный артиллерист так описывает жизнь Скобелева в Плевне после ее взятия:

“Общество у Скобелева было самое разнокалиберное: тут были и генералы, и прапорщики, и корреспонденты, и вольноопределяющиеся. Все не стеснялось. Меня немножко поразило такое товарищеское обращение... Входит какой-нибудь офицер в полной парадной форме. “Ваше превосходительство, честь имею...” – начинает он. – “Завтракали?” – обрывает его

Скобелев. – “Никак нет, ваше превосходительство!” – говорит опешивший офицер. – “Садитесь и ешьте что Бог послал”.

По словам Максимова, Скобелев часто приглашал солдат пить с собою чай.

О гуманности Скобелева характерный факт сообщен Марвином. Факт этот доказывает, вместе с тем, административный такт Скобелева. Рассуждая о среднеазиатских делах, Скобелев сказал:

– Казни, предпринятые генералом Робертсом в Кабуле, были ошибкою. Каков бы ни был род вашей казни, он все-таки уступит изобретательности восточного деспота. К этому туземцы привыкли; мало того, совершение казни порождает в туземцах ненависть. *Я предпочел бы бунт целой области казни одного туземца.* Если вы победите их силой в бою и нанесете жестокий удар – они этому подчиняются, как воле Божией. Моя система – сразу сильно ударить и наносить удар за ударом, пока не сломлено сопротивление. Но с наступлением этого момента вводится строжайшая дисциплина, кровь перестает литься и с побежденным обходятся мягко и гуманно.

Сжатую, но меткую характеристику Скобелева как полководца дает военный уполномоченный Соединенных Штатов, лейтенант Грин, в книге “Очерки военной жизни в России”.

“Скобелев водил свои войска на штурмы так много раз, как никто из полководцев нашего времени, исключая Гранта. В течение 19 лет Скобелев участвовал в 70 сражениях. Все штурмы его были победами, и только один раз (под Плевной) он, после счастливого штурма, должен был уступить подавляющим силам неприятеля. Его военный гений так велик (это было написано при жизни Скобелева), что я твердо верю, что он будет главнокомандующим в будущей войне из-за восточного вопроса и займет тогда место среди пяти величайших полководцев нашего столетия рядом с Наполеоном, Веллингтоном, Грантом и Мольтке”.

К этим словам необходимо еще добавить, что Скобелев был великим знатоком солдатской души и любил солдата не как “пушечное мясо”, а как человека.

При всех своих славянофильских увлечениях и даже несмотря на дружбу с некоторыми представителями ретроградных взглядов, Скобелев, по справедливому замечанию Верещагина, стоял за развитие России и желал устранения многих стесняющих это развитие преград. Он требовал движения вперед, а не назад. Так, он был решительным сторонником свободы мысли и слова.

М. Д. Скобелев

notes

Примечания

Тетки Скобелева вышли замуж: одна – за графа Адлерберга, другая – за графа Баранова; из сестер его старшая вышла за князя Белосельского-Белозерского, средняя – за Шереметева, а младшая – за Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского

Вообще записки Верещагина о Скобелеве, представляя драгоценный сырой материал, требуют строгого критического отношения, в особенности в тех случаях, когда автор вместо фактов приводит свои догадки и мнения

Речь идет о публицисте с двойной славянской фамилией, женатом на англичанке и впоследствии жившем в Дрездене, Гейдельберге и Берлине, откуда он корреспондировал в “Новое время” и другие газеты

См. единичные показания Верещагина, самого Драгомирова (в его рапорте) и очевидца, описавшего это событие, в сборнике, изданном князем Мещерским

Мы коснулись только действий тех частей войск, которые сражались непосредственно подле Скобелева. Конечно, успеху много содействовали и другие части. Но мы пишем биографию Скобелева, а не историю турецкой войны

Куropаткин пишет: “17 русских и 14 румынских, всего 31 батальон и до 100 орудий, почти столько, сколько всего было у Османа-паши пехоты, и в полтора раза более артиллерии еще *не приняли участия в штурме*, а принц Карл и генерал Зотов уже отказались продолжать бой!.. Турки при своей малочисленности выставили для продолжения боя значительно больше, чем мы, свежих сил и в результате остались совершенно заслуженно победителями”

Авторитетный немецкий писатель Тило фон Трота, разбирая наши действия под Плевною, пишет: “Батарея, действующая на важном пункте с истребительною силою пять минут, даже одну минуту, и потом хотя бы потерянная, принесет больше пользы, чем десять батарей, производящих почти безвредную пальбу”